

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДМИРАЛА Д. С. АРСЕНЬЕВА.

1860.

Плаваніе къ берегамъ Восточной Сибири на канонерской лодкѣ „Моржъ“¹⁾.

19-го Октября я отправился въ Кронштадтъ съ милой моей сестрой, чтобы оттуда на слѣдующій день идти въ Англію на пароходѣ „Бренда“, который зафрахтованъ былъ правительствомъ для отвоза въ Англію офицеровъ и команды для лодки „Моржъ“. Эта лодка, построенная во Франціи, была приведена въ Лондонъ, въ Остъ-Индскіе доки, гдѣ на нее поставили машину съ завода Модслея, и гдѣ она должна была вооружиться и приготовиться къ дальнему плаванію.

Въ Кронштадтѣ мы остановились съ сестрою у начальника Штурманскаго Училища генерала Александра Ильича Зеленаго, бывшаго до того инспекторомъ классовъ въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ.

Александръ Ильичъ и добрая жена его Софья Ивановна приняли насъ, какъ добрые родственники и окружили самымъ трогательнымъ, попечительнымъ вниманіемъ; оно насъ особенно тронуло въ нашемъ печальномъ настроеніи²⁾.

¹⁾ Въ это время Д. С. Арсеньевъ, 26 лѣтъ отъ роду, былъ лейтенантомъ въ Гвардейскомъ Экипажѣ и состоялъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Осенью 1860 года онъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на канонерскую лодку „Моржъ“, которая должна была отправиться изъ Лондона къ берегамъ Амура.

²⁾ Д. С. Арсеньевъ находился подъ впечатлѣніемъ горя: смерти мужа сестры его Евгеніи Сергѣевны, флигель-адъютанта Н. В. Шеншина; за мѣсяць до отправления въ плаваніе его постигло новое великое горе кончина отца.

Невыразимо грустенъ и тяжелъ былъ этотъ послѣдній день, проведенный съ сестрою и невыразимо тяжело было разставаніе съ нею. Сердце мое сжималось самыми грустными мыслями и сознаніемъ всей тяжести одиночества, въ которомъ я оставлялъ сестру, и всей непосильной трудности предстоявшей ей жизни. Словомъ, я страдалъ глубоко.

Но вотъ настало и печальное утро 20-го Октября. Тихій, сѣрый, дождливый, осенній день, какъ бы соответствовалъ нашему грустному настроенію; сестра проводила меня на „Бренду“, уже стоявшую подъ парами на маломъ рейдѣ, еще разъ обняла и перекрестила меня и, обливаясь слезами, мы съ нею разстались—надолго, но на сколько мы не знали, хотя мнѣ было разрѣшено Великимъ Княземъ немедленно по прибытіи въ Николаевскъ воротиться оттуда въ Петербургъ берегомъ.

Плаваніе наше до Лондона было очень благополучно, и мы прошли Финскій заливъ, Балтійское и Нѣмецкое моря при самой тихой, штилевой, но пасмурной и дождливой погодѣ.

Команда наша состояла изъ 70-ти человѣкъ, на половину новобранцевъ, но они всѣ были очень хорошіе, простые, добрые люди, какъ всѣ наши команды вообще, и между ними не было ни одного негодяя, какъ къ сожалѣнію теперь начинаютъ попадаться между поступающими на военную службу.

Тутъ же были сослуживцы мои на „Моржѣ“: 2-ой лейтенантъ *Николай Алексѣевичъ Фесунъ*, однимъ годомъ моложе меня по выпуску изъ Морскаго Корпуса и совершившій на фрегатѣ „Діана“ (1852—55 г.), плаваніе въ Японію, подъ начальствомъ графа Путятина (во время этого плаванія Фесунъ участвовалъ въ Петропавловскомъ сраженіи). Онъ былъ умный и развитой молодой человѣкъ, вѣрующій и вполне порядочный, но большой пессимистъ и болѣзненно самолюбивый, что, положительно, отравляло его жизнь. По прибытіи въ Лондонъ, „Бренда“ остановилась въ Остѣ-Индскихъ докахъ, гдѣ стояла лодка „Моржѣ“ и наша команда немедленно перебралась на лодку, а Фесунъ и я, мы наняли, въ Блауолѣ, въ двухъ шагахъ отъ доковъ, небольшую квартиру, состоящую изъ гостиной и маленькой столовой въ бэль-этажѣ и въ третьемъ этажѣ холодной спальни и комнатою для моего человѣка Михаила, присутствіе котораго мнѣ было очень отраднo, потому что во 1-хъ онъ очень хорошо и усердно мнѣ служилъ, зная уже всѣ мои потребности и привычки, а во 2-хъ и, главное, потому, что онъ былъ живое воспоминаніе нашего семейства, дѣла и всего моего про-

шедшаго всего мнѣ дорогаго: благодаря Михаилѣ, я чувствовалъ себя не столь одинокимъ.

Какъ только „Бренда“ отшвартовалась у набережной рѣки Темзы, въ Лондонѣ, я тотчасъ же поѣхалъ къ командиру лодки „Моржъ“ капитану лейтенанту Кроуну и нашему морскому агенту въ Англіи генералъ адъютанту графу Путятину, который и завѣдывалъ постройкой и вооруженіемъ нашихъ судовъ въ Англіи.

Командиръ принялъ меня очень любезно, но съ нѣкоторымъ недоверіемъ, которое было однимъ изъ его недостатковъ; но первое мое впечатлѣніе было хорошее, и оно подтвердилось. Александръ Егоровичъ Кроунъ былъ внукъ нашего знаменитаго адмирала, героя послѣдней Шведской войны, Кроуна. Александръ Егоровичъ и самъ былъ полу-Англичанинъ, отлично говорилъ по англійски и, пробывъ долго въ Соединенныхъ Штатахъ, при заказѣ и постройкѣ въ Америкѣ нашихъ судовъ, для нашей флотиліи Восточнаго океана, онъ во многомъ усвоилъ себѣ Американскія привычки и воззрѣнія. Капитанъ Кроунъ былъ человекъ съ добрымъ сердцемъ, умный, образованный, но очень вспыльчивый и подозрительный; онъ имѣлъ несчастіе быть невѣрующимъ и, благодаря этому, жизнь казалась ему не разрѣшимой проблемой и загадкой, и это видимо было ему тяжело. Кромѣ того, не смотря на его умъ, онъ часто понималъ самыя простыя вещи совершенно превратно, что дѣлало отношенія съ нимъ довольно трудными. Въ настоящее время онъ состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ по морской части при графѣ Амурскомъ, генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, и былъ назначенъ принять командованіе лодки „Моржъ“ и привести ее на Амуръ, такъ какъ она была заказана для надобностей нашихъ портовъ Восточнаго океана.

Мое положеніе адъютанта Великаго Князя Константина Николаевича, которое мнѣ было сохранено и во время моего плаванія (какъ это тогда всегда дѣлалось), внушало Кроуну нѣкое сомнѣніе и недоверіе относительно искренности моего ему подчиненія. Но съ перваго же шага я постарался къ нему стать въ правильное отношеніе старшаго офицера къ командиру, т. е. быть примѣромъ подчиненія командиру и вѣрнымъ исполнителемъ его распоряженій. Капитанъ Кроунъ скоро убѣдился въ искренности моего поведенія относительно его и постепенно ко мнѣ располагался и начиналъ доверять. Я долженъ сказать, что характера капитанъ Кроунъ былъ спокойнаго и что въ немъ не было никакой придирчивости, такъ что отношенія мои съ нимъ были постоянно очень хорошія и оставались такими до конца плаванія.

Капитанъ Кроунъ на другой день утромъ пріѣхалъ на лодку, поздоровался съ командой и осмотрѣлъ ее. Я ему представилъ лейте-

нанта Фесуна, штурманскаго офицера *Жохова* и двухъ гардемариновъ *Прицкаго* и *Крыжановскаго*, прибывшихъ съ нами на „Брендъ“.

Вооруженіе лодки было еще въ самомъ началѣ, такъ какъ только что были поставлены котлы, и машина только что устанавливалась. Вооруженіе было поручено нашимъ морскимъ агентствомъ верфи доковъ, а она поручила его какому-то отставному боцману мистеру Кукъ. Вотъ какъ его описываетъ лейтенантъ Фесунъ въ своихъ запискахъ о плаваніи на лодкѣ „Моржъ“.

„Изъ за каждой каболки, изъ за лишняго фута самаго ничтожнаго троса мистеръ Кукъ выходилъ изъ себя и подъ конецъ цѣлымъ рядомъ почти невѣроятныхъ выходокъ, успѣлъ убѣдить всѣхъ и каждого, что самыя обыкновенныя требованія исправнаго военнаго судна ему положительно неизвѣстны. Такъ на примѣръ: при вырубкѣ бѣгучаго такелажа, мистеръ Кукъ отмѣрилъ брамъ-шкоты и брамъ-топенанты крѣпящимися на марсѣ; но наши марсы состояли (какъ саленги на большихъ судахъ) изъ двухъ рожковъ, такъ что очевидно не возможно на нихъ было и тянуть эти снасти“.

„Шлюпки, такелажи и паруса доставлялись намъ съ подряда различными мастерами, и не всѣ они были добросовѣстны, и во всякомъ случаѣ, старались намъ дать все самаго скромнаго качества, чтобы не сказать худаго.

Командѣ нашей пришлось передѣлать почти весь такелажъ, и въ вооруженіи мы сдѣлали всѣ измѣненія, согласныя съ нашимъ положеніемъ о вооруженіи военныхъ судовъ“.

Делегатъ адмирала Путятина по снабженію и вооруженію лодки „Моржъ“ былъ капитанъ-лейтенантъ Колокольцевъ, человекъ упрямый, непокладистый и вообще неприятный и не расположенный къ Кроуну, такъ что сему послѣднему было очень трудно добиваться даже самыхъ очевидно справедливыхъ вещей“.

Какъ я сказалъ, мы поселились съ Н. А. Фесуномъ по близости Остъ-Индскихъ доковъ въ небольшой, но очень чистой и удобной квартирѣ, отдаваемой отъ хозяевъ; у насъ была гостинная, въ которой мы и проводили весь день, и спальня (но эта послѣдняя безъ камина), и комната для моего Михайлы, который часто ссорился съ нашими хозяевами за ихъ нескромное любопытство къ нашимъ вещамъ во время нашего отсутствія изъ квартиры, и благодаря Михайлѣ у насъ пропало всего только нѣсколько рубашекъ.

Квартира наша находилась въ самой разбойничьей части города, рядомъ съ кварталомъ White Chapel, главнаго притона всѣхъ Лондонскихъ мошенниковъ, и часто, возвращаясь домой вечеромъ со станціи

желѣзной дороги (которая была очень близко отъ насъ), мы всетаки шли съ большимъ опасеніемъ, чтобы не быть ограбленными.

На другой день послѣ нашего прихода въ Лондонъ на „Брендъ“, я представился графу Путятину, который жилъ съ семьею въ Гэстингсѣ, (отдаленной, почти загородной, части города), и вручилъ графу кредитивъ въ 40 тысячъ фунтовъ стерлинговъ отъ Морскаго Министерства.

Супруга графа, Марія Васильевна, Англичанка, была прекрасная женщина, исполненная доброты, кротости и вся преданная своему семейству, мужу и дѣтямъ. По ихъ приглашенію, я у нихъ бывалъ довольно часто и всегда съ большимъ удовольствіемъ.

Самъ графъ Путятинъ, пожалованный два года тому назадъ, графомъ за свое Японское посольство, былъ очень почтенный человѣкъ, замѣчательный морской офицеръ, отличенный Государемъ и начальствомъ уже издавна, за свои познанія, желѣзную настойчивость и неутомимую энергію. При этомъ онъ былъ и очень хорошо воспитанъ въ Іезуитскомъ пансіонѣ въ Петербургѣ, но у графа Путятина былъ очень большой недостатокъ: страшная вспыльчивость и несдержанность въ жестокихъ порывахъ гнѣва, что дѣлало сношенія съ нимъ, особенно для подчиненныхъ, чрезвычайно тяжелыми.

Графъ Путятинъ два года спустя (т. е. въ 1862 году) былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, но оставался въ этой должности очень недолго, возбудивъ противъ себя всѣхъ своихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ. Да и вообще, онъ отлично понималъ морскую службу, но его взгляды на прочія отрасли управленія и жизни были очень узки, а, по своему характеру, онъ былъ склоненъ проводить ихъ со слѣпой и неумолимою твердостью.

Мнѣ кажется, что въ наше трудное время графъ Путятинъ былъ *последній* человѣкъ, котораго можно было назначить министромъ народнаго просвѣщенія.

Назначенный потомъ членомъ Государственнаго Совѣта, графъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, но послѣ смерти графини онъ переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ страшною смертію: сѣвъ въ ванну, онъ по ошибкѣ открылъ кранъ горячей воды, не могъ его закрыть во время и почти сварился въ кипяткѣ.

Не знаю почему, онъ очень не долюбивалъ нашего командира капитана Кроуна, полагаю отъ того, что Кроунъ служилъ при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, съ которымъ графъ Путятинъ имѣлъ пререканія во время своего пребыванія въ водахъ нашего крайняго Востока.

Кроунъ мнѣ рассказывалъ, что разъ графъ Путятинъ до такой степени на него разсердился на желѣзной дорогѣ, и безъ всякой причины, за его одно замѣчаніе о лодкѣ „Моржъ“, что Кроунъ тутъ же

ему объявилъ, что онъ немедленно откажется отъ командованія лодкой; тогда графъ успокоился и съ тѣхъ поръ былъ съ Кроуномъ постоянно очень вѣжливъ, хотя и враждебенъ.

Но тѣмъ не менѣе графъ Путятинъ былъ очень почтенный, хорошій человѣкъ и глубоко вѣрующій; но одна изъ его странностей въ дѣлѣ вѣры была его глубокая симпатія къ Католической церкви и папскому престолу, при истинной приверженности къ нашей церкви.

Во время пребыванія моего въ Лондонѣ, я обѣдалъ нѣсколько разъ у графа Путятина. Семейный бытъ его былъ самый симпатичный и почтенный; это былъ совершенно Англійскій домъ добраго стараго времени. Старшая дочь графа Марія Ефимовна, тогда уже взрослая, хотя была далеко не красавица, но она была такая прекрасная, благочестивая, кроткая и симпатичная особа, что располагала къ себѣ всѣхъ ее знавшихъ. Я думалъ тогда, что капитанъ *Пещуровъ*, любимецъ графа Путятина и въ настоящее время (1860 года), командовавшій клиперомъ „Гайдамакъ“, вооружившимся одновременно съ „Моржемъ“ въ Лондонѣ, женится на молодой графинѣ; и дѣйствительно между ними, полагаю, было взаимное чувство. Но капитанъ Пещуровъ, по возвращеніи изъ своего дальняго плаванія женился на другой на Англичанкѣ, вдовѣ доктора, у которой онъ нанималъ квартиру въ Лондонѣ, а молодая графиня сдѣлалась потомъ сестрою милосердія и, черезъ много лѣтъ, скончалась дѣвицею.

По пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ я конечно поспѣшилъ явиться къ барону Брунову*). Онъ принялъ меня, по прежнему очень любезно и ласково и пригласилъ его навѣщать, что я и дѣлалъ нѣсколько разъ, по утрамъ. Обѣдать онъ меня теперь не приглашалъ, такъ какъ жена его была больна. Я видѣлъ баронессу въ это время только одинъ разъ и то случайно, когда она вошла въ кабинетъ мужа; я нашель, что она очень перемѣнилась и похудѣла; кажется, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого она умерла.

Первымъ секретаремъ посольства былъ тогда графъ Андрей Дмитріевичъ Блуновъ, братъ графини Антонины Дмитріевны, пріятельницы моей сестры. Графъ Блуновъ только годъ тому назадъ женился на графини Альтенъ изъ ГанOVERA; она была замѣчательная красавица, античной красоты и правильности въ чертахъ; она меня очень любезно приняла, и я у нихъ два раза обѣдалъ. Но она была совсѣмъ не подходящая къ семейству Блуновыхъ...

*) Баронъ Бруновъ полюбилъ Д. С. Арсеньева еще въ 1853 году, когда Д. С. на корветѣ „Наваринъ“ былъ въ Англии и Лондонѣ, въ первый разъ.

Но всего отраднѣе было для меня, въ это пребываніе въ Лондонѣ, знакомство съ нашимъ Русскимъ священникомъ Евгеніемъ Ивановичемъ Поповымъ. Послѣ литургіи по воскресеньямъ и праздникамъ, многіе изъ прихожанъ шли къ нему пить чай, и здѣсь у него дѣйствительно былъ какъ бы центръ и сердце Русской колоніи въ Лондонѣ; кажется и его отецъ былъ здѣсь священникомъ посольства еще во время графа Семена Романовича Воронцова. Евгеній Ивановичъ былъ очень образованный и ученый богословъ и въ сношеніяхъ съ лордомъ Брумомъ и другими Англійскими богословами. Онъ много содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію того сочувственнаго интереса къ восстановленію Православія, которое уже образовалось въ Англійи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. А. Н. Муравьевъ и наше высшее духовенство въ Петербургѣ не сумѣли расположить извѣстнаго Пальмера къ принятію Православія и сколько мнѣ кажется, по легкомыслію;—напротивъ, они его оттолкнули отъ нашей церкви, къ которой онъ такъ тяготѣлъ, и Пальмеръ перешелъ въ Римское Католичество. Но А. С. Хомяковъ, своими статьями: „*Quelques mots d'un orthodoxe Russe sur les communions occidentales*“ и своими личными сношеніями съ нѣкоторыми свѣтилами Англиканской церкви, снова оживилъ симпатію къ нашей церкви, и сознаніе, что она хранитъ неизменно и неизмѣнно всю полноту Христіанскаго ученія догматовъ и уставовъ церковныхъ, какъ они были послѣ семи вселенскихъ соборовъ.

Съ тѣхъ поръ многія выдающіяся личности Англиканской церкви стали изучать нашу церковь, посѣщать Православный Востокъ и Россію и въ нихъ утверждалось сочувствіе къ Православію, и убѣжденіе, что оно сохранило во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе и обряды первыхъ временъ Христіанства.

Мнѣ кажется, что въ настоящее время (1903 г.) многіе лучшіе представители Англиканской церкви въ душѣ вполне убѣждены въ превосходствѣ и правотѣ нашей церкви, но они никогда, не смотря на свое убѣжденіе, не рѣшаются его высказывать, потому что никто бы за ними не послѣдовалъ*).

Англійская публика слишкомъ невѣжественна въ церковныхъ вопросахъ и слишкомъ проникнута Лютеранскимъ духомъ, къ тому же національная гордость съ ихъ предразсудками будетъ долго мѣшать, чтобы признать Православную церковь и еще менѣе присоединиться къ ней. Но сочувствіе къ Восточной церкви и безпристрастное ея изученіе выдающимися личностями Англиканской церкви всетаки

*) Къ сожалѣнію еще болѣе сильно распространено теперь въ Англійи расположеніе къ Римскому Католичеству.

явленіе очень важное, и со временемъ, можетъ быть, оно поведетъ къ великимъ результатамъ.

Я часто бывалъ у Евгенія Ивановича и встрѣчался у него съ бывшими въ то время въ Англіи Ѳедоромъ Васильевичемъ Чижовымъ, который хорошо былъ знакомъ съ моимъ покойнымъ зятемъ и моею сестрою, и тоже съ инженеръ-генераломъ барономъ Андреемъ Ивановичемъ Дельвигомъ, котораго я зналъ и прежде. Они оба были въ Лондонѣ для привлеченія капиталовъ на постройку, кажется Тульской дороги. Съ Чижовымъ я совершилъ поѣздку въ Торкей, гдѣ жила Александра Осиповна Смирнова. Она намъ очень обрадовалась и хотя это было въ 5 часовъ по полудни, но она не пригласила насъ къ обѣду, на что мы розсчитывали, и продержала насъ до 10-ти часовъ вечера, угостивъ только чаемъ, такъ что мы уѣхали голодные и только въ Лондонѣ, куда пріѣхали поздно ночью, могли утолить свой голодь.

Чижовъ былъ въ негодованіи и повторялъ про Александру Осиповну:

Поэтъ ей скажетъ Русь святая,
И сердце въ ней не задрожитъ.

Я думаю, что А. О. Смирнова или по нездоровью въ этотъ день, или по какимъ нибудь другимъ причинамъ не заказывала себѣ обѣда и поэтому не могла намъ оказать Русскаго, полного, гостепріимства.

У Евгенія Ивановича Попова я познакомился съ Reverend-Williams, fellow of Trinity-college Кембриджскаго Университета. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ, изучалъ Православный Востокъ и, сочувствуя нашей церкви, поддерживалъ дружескія отношенія съ Евгеніемъ Ивановичемъ. Онъ пригласилъ меня посѣтить Кембриджъ и провести у него въ Trinity-college нѣсколько дней, что я и сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ, посвятивъ этой поѣздкѣ три дня во время Рождественскихъ праздниковъ, такъ какъ тогда работъ по вооруженію нашей лодкѣ не было.

Кембриджъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Средневѣковыя зданія его коллегій, окруженныя громадными дубовыми деревьями, старинныя церкви, покрытыя снаружи плющемъ, обширныя парки, берега прелестной рѣки Камъ, спокойствіе и тишина, царствующія здѣсь повсюду, средневѣковые костюмы профессоровъ, членовъ коллегій (fellow's) и студентовъ; все это сразу перенесло меня во времена давно прошедшія, но здѣсь еще какъ бы живущія, и это впечатлѣніе тѣмъ болѣе усиливается, что вся жизнь здѣсь идетъ по древне установленнымъ порядкамъ.

Мнѣ дали апартаменты одного изъ fellow's Trinity-college, бывшаго въ дальнемъ путешествіи, и затѣмъ Вилліамсъ пригласилъ меня раздѣлять все общее времяпрепровожденіе членовъ университета.

Утромъ въ 8 часовъ по колоколу всѣ собирались въ церковь, гдѣ пѣли утреннія молитвы, затѣмъ въ 9-ть часовъ я завтракалъ съ м-мъ Вилліамсомъ, а потомъ, такъ какъ въ это время были праздники, мы ходили на богослуженіе или осматривали разные колледжи. ихъ помѣщенія, церкви, студіи и т. п.

Обѣдали всѣ, и профессора, и оставшіеся на праздники студенты въ общемъ залѣ „Hall“, старинномъ зданіи XV-го вѣка, а вечеромъ мы ѣздили въ гости къ кому нибудь изъ членовъ университета; разъ были у предѣдателя Trinity-college знаменитаго профессора Юуэля (Whevel) и т. д. Однимъ словомъ, я на нѣсколько дней совершенно погрузился въ своеобразную жизнь Англійскихъ университетовъ, и мнѣ она очень понравилась.

Различныя колледжи, какъ монастыри на Аѳонѣ, совершенно самостоятельны и соединены только общимъ центральнымъ управленіемъ; но всякій колледжъ имѣетъ своихъ профессоровъ, тьюторовъ, свои порядки, свои уроки, экзамены и тому подобное; это, такъ сказать, какъ бы отдѣльныя, параллельныя учрежденія; въ большей части изъ нихъ таже программа занятій, въ которой преобладаютъ Греческій, Латинскій языкъ и Математика. Эти три отрасли знанія обязательны для всѣхъ, но затѣмъ въ разныхъ коллегіяхъ большое разнообразіе кафедръ и изучаемыхъ предметовъ, хотя и не для всѣхъ обязательныхъ. Затѣмъ есть нѣкоторыя коллегіи исключительно болѣе посвященныя какимъ нибудь спеціальностямъ, какъ напримѣръ медицинѣ или естественнымъ наукамъ.

Нельзя сказать, чтобы вообще въ Англійскихъ университетахъ очень много занимались и особенно усердно. Часть студентовъ почти ровно ничего не дѣлаетъ и преимущественно занята разными спортами, состязаніями, гонками и т. п.; другая часть (около трети) занимается, сколько это необходимо, чтобы выдержать экзамены и кончить курсъ, и только оставшая и наименьшая часть занимается усердно и съ любовью къ наукамъ. Но эти занятія дѣйствительно плодотворны.

У насъ въ Россіи въ университетахъ большинство студентовъ, только готовясь къ экзамену, зазубриваютъ курсы, но эти свѣдѣнія такъ же скоро испаряются, какъ были скоро пріобрѣтены. Въ Англійскихъ университетахъ, работающіе работаютъ постоянно во все время года, и эти занятія претворяются, такъ сказать, въ плоть и кровь и дѣйствительно развиваютъ умъ, обогащаютъ его прочными свѣдѣніями и прежде всего пріучаютъ человѣка къ труду. Этому много содѣй-

стуеть система тьюторовъ, дѣйствующая и въ Англійскихъ школахъ, какъ напимѣръ въ Glasgow и другихъ и продолжающаяся и въ университетахъ, гдѣ и математики, и классики преподають не въ простыхъ лекціяхъ, а въ совмѣстныхъ работахъ учениковъ и профессора. Въ школахъ, благодаря этой системѣ, приготовленіе уроковъ дѣлается подъ надзоромъ тьюторовъ, имѣеть то преимущество, что во 1-хъ, уроки всегда приготовлены, и классъ служить только какъ бы повтореніемъ и укрѣпленіемъ выученнаго съ предварительнымъ взглядомъ и объясненіемъ слѣдующаго урока; а во 2-хъ, каждый ученикъ *volens-nolens* приготовляетъ уроки и приготовивъ ихъ, хотя съ помощью и подъ надзоромъ, но приготовляетъ, работая *самостоятельно*, и приучается къ такой работѣ, а это самое важное.

Въ послѣдствіи, будучи воспитателемъ Великихъ Князей, я старался учредить ту же систему и видѣлъ ея пользу, а будучи потомъ директоромъ Морскаго Корпуса, старался ввести ее въ корпусъ, гдѣ это особенно важно, ибо курсъ Морскаго Корпуса, преимущественно основанный на математикѣ, требуетъ основательнаго изученія ея началъ: ариѳметики, алгебры, геометріи и тригонометріи, а эти науки сухи и Русскому юношеству, одаренному живымъ воображеніемъ, но лѣнивому, *противны*, и надзоръ за приготовленіемъ уроковъ, помощь при этомъ и постепенное приученіе къ самостоятельному труду необходимы. Высшее начальство меня не поняло и не поддержало, ибо на это нужны были средства; но тѣмъ, что я могъ сдѣлать имѣвшимися средствами, была принесена оцутительная польза.

Очень мнѣ тоже понравилась въ Кембриджѣ учрежденіе „Fellowship“, или членовъ коллегіи, избираемыхъ изъ бывшихъ студентовъ, выдержавшихъ магистерскіе экзамены. Каждый Fellow имѣеть въ своей коллегіи прекрасную квартиру и столъ и получаетъ до 2000 фунтовъ въ годъ жалованья, безъ всякихъ обязательныхъ занятій въ коллегіи; если Fellow даетъ уроки, онъ получаетъ за нихъ особенное вознагражденіе. Единственное обязательство Fellow это не жениться, а если онъ женится, то теряетъ свое званіе, что и случилось впоследствии и съ *reverend William'somъ*, у котораго я гостилъ въ Кембриджѣ.

Это учрежденіе еще остатокъ католическихъ временъ въ Англии, и Fellowship нѣчто вродѣ монастырскаго братства или капитула церковнаго; оно учреждено для дарованія возможности, свободно и безъ матеріальныхъ заботъ, предаваться *молитвѣ* и *ученымъ занятіямъ*.

Число Fellow's въ каждой коллегіи зависитъ отъ ея денежныхъ средствъ, большая часть которыхъ составила изъ *пожертвованій* въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Нѣкоторыя изъ этихъ коллегій, особенно самыя старинныя, какъ напимѣръ въ Кембриджѣ Trinity-

college, очень богаты, но между новѣйшими коллегіями есть и очень небожшія и небожатыя.

Всѣ эти коллегіи, живя каждая своею отдѣльною и самостоятельною жизнью, имѣютъ, какъ я уже сказалъ, одно центральное главное управленіе или совѣтъ, въ которомъ участвуютъ начальники всѣхъ коллегій; это именно своего рода университетскій Аѳонъ.

При коллегіяхъ, между прочимъ, существуютъ и парламентскія упражненія для студентовъ, и вожаки политическихъ партій въ Англіи слѣдятъ за выдающимися въ университетахъ способными и даровитыми молодыми людьми и, завербовывая ихъ въ свой лагерь, доставляютъ имъ потомъ возможность вступленія въ парламентъ.

Мнѣ нравилась въ Кембриджѣ эта свобода, которою пользуются студенты и въ тоже время то уваженіе, съ которымъ студенты относятся къ профессорамъ и fellow'амъ, ихъ близость къ нимъ и та добросовѣстность, съ которой студенты исполняютъ всѣ уставы и правила коллегій, т. е. хожденіе въ положенные часы въ храмъ, посѣщеніе лекцій и вообще исполненіе всѣхъ правилъ, иногда и стѣснительныхъ, но всѣми соблюдаемыхъ, какъ завѣтъ всѣми любимой старины, какъ особенность заведенія, которымъ каждый гордится и которому сочувствуетъ.

Мнѣ нравилось и прекрасное учрежденіе fellow's, дающее возможность столькимъ людямъ спокойно, независимо заниматься наукой, изслѣдованіями и работами по всѣмъ отраслямъ знанія, и близость ихъ къ студентамъ очень полезна; благодаря ей во многихъ студентахъ развивается интересъ и любовь къ наукѣ и рѣшеніе посвятить ей себя.

Однимъ словомъ, несмотря на всѣ недостатки Англійскихъ университетовъ, въ нихъ столько хорошаго и столько жизни, жизненности, что нельзя было не пожалѣть, что у насъ не имѣлось ничего имъ подобнаго.

Кембриджъ и Оксфордъ совершенно особенные университетскіе города. Это какіе-то оазисы въ дѣятельной, шумной, торговой, мануфактурной Англіи.

Въ этихъ двухъ городахъ, внѣ университета, тишина и спокойствіе, а въ немъ идетъ своя своеобразная, ничѣмъ не нарушаемая жизнь.

Дни проведенные мною въ Кембриджѣ были для меня днями нравственнаго отдохновенія и большаго интереса, и я вспоминаю о нихъ съ отрадными и благодарными чувствами къ почтенному мистеру Вилліамсу. Я передалъ ему просьбу Ю. Ѳ. Самарина послать ему имѣющіяся у него, Вилліамса, письма Хомякова, которыя нужны

были Самарину для біографіи А. С. Хомякова, и Вилліамсъ очень охотно обѣщаль мнѣ это исполнить.

Вмѣстѣ съ Вилліамсомъ я посѣтилъ и школу въ Итонѣ (Eton), гдѣ совершается образованіе достаточнаго Англійскаго *отрочества*, подготовляющее его къ поступленію въ Оксфордскій или Кембриджскій университеты.

Я совершилъ тоже съ Чижевымъ и Дельвигомъ поѣздки въ Манчестеръ и Ливерпуль, видѣлъ съ ними и много другихъ вещей въ Англіи. Эти поѣздки со столь умными и свѣдущими людьми были для меня истинно научными и въ высшей степени полезными экскурсіями и нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ моихъ грустныхъ мыслей, потому что разлука съ сестрой, тревога за ея одиночество, трудность принятой ею на себя жизни, могу сказать, точили мнѣ сердце. Одно время сестра думала, было, пріѣхать еще навѣстить меня въ Лондонѣ, но это стоило бы очень дорого, и мы кромѣ того предполагали уйти изъ Лондона въ плаваніе такъ скоро, что сочли благоразумнѣе отъ этого отказаться.

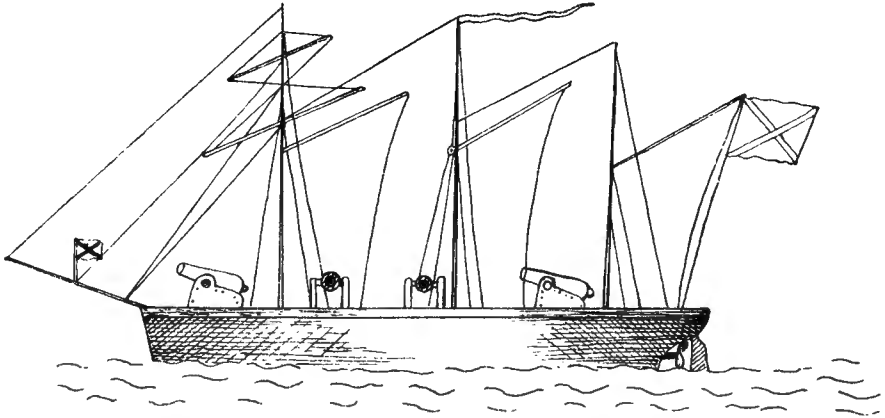
Мое внутреннее настроеніе въ это время и во все время моего плаванія на лодкѣ „Моржъ“ всего яснѣе отражается въ моихъ письмахъ къ сестрѣ. Я берегу ихъ какъ святое воспоминаніе о своихъ чувствахъ и отношеніяхъ къ моей незабвенной сестрѣ Евгеніи Сергѣевнѣ, которая любила меня столь нѣжно, столь матерински и которую я, увы, не умѣлъ цѣнить вполне, *какъ бы долженъ*.

Я находилъ утѣшеніе и поддержку въ вѣрѣ и молитвѣ, стараніяхъ соблюсти себя въ чистотѣ и благочестіи, дабы не лишаться утѣшенія духовнаго возношенія къ Господу, невозможнаго при нечистой жизни, и дабы заслужить милость Божию и Его покровительство, въ предстоящемъ мнѣ долгомъ и далекомъ плаваніи на „углой ладѣ“: именованіе исполнѣе подходящее нашей лодкѣ „Моржъ“.

Дѣйствительно, когда мы первый разъ вошли въ Остѣ-Индскіе доки и намъ показали, рядомъ со стоящими тамъ большими океанскими пароходами и парусными кораблями, нашу маленькую лодку, налѣба которой отстояла отъ воды не болѣе полутора аршина, съ ея тоненькими мачтами, то намъ всемъ сдѣлалось жутко; и хотя мы этого не высказывали; у всѣхъ было одно чувство: всемъ пришелъ въ голову тотъ же вопросъ: „неужели на такомъ ничтожномъ суднѣ возможно совершить дальнее плаваніе, огибать мысъ Доброй Надежды, вынести бури, обхода мысъ Горнъ, или проплыть благополучно на огромномъ волненіи Индѣйскаго океана?“ Но, подавивъ въ себѣ это чувство, я тогда же сказалъ, что если Богу угодно мы пройдемъ благополучно вездѣ, что и маленькія суда благополучно переходятъ океаны, какое-то внутреннее чувство внушало мнѣ спокойствіе и увѣренность въ благо-

получномъ совершеиіи предпринимаемаго плаванія. Съ этихъ поръ и во все время нашего плаванія это чувство опасенія никогда у меня уже не возвращалось.

Вотъ видъ канонерской лодки „Моржъ“.

Лодка была длиною 149 футовъ, ширина 23 фута, углубленіе ахтерштевнемъ 8 футъ 4 дюйма, форштевнемъ 7 футовъ и 8 дюймовъ. Лодка была вооружена двумя 60 фунтовыми пушками въ 310 пудовъ каждая, не считая вѣса станковъ, которые были вращающіеся и 4-мя нарѣзными 12-ти фунтовыми пушками системы Витворта.

Провизіи „Моржъ“ бралъ на три мѣсяца, воды на 20-ть дней, и еще и на палубу запаса угля на суточный ходъ. Вооруженіе лодки совершенно походило на вооруженіе нашихъ прежнихъ клиперовъ, т. е. прямые паруса на фокъ-мачтѣ и косые паруса на двухъ заднихъ мачтахъ.

Благодаря опрѣснительному аппарату, у насъ всегда было прѣсной воды вдоволь, такъ что запасъ ея на 20-ть дней оставался въ цѣлости.

А вотъ и планъ ея внутренняго расположенія, который прилагаю чтобы дать понятіе о нашемъ жилищѣ въ продолженіи нашего полугодового плаванія.

На время большихъ переходовъ наши два большія орудія снимались со станковъ и спускались на палубу между станинами пушечныхъ платформъ; это было необходимо для пониженія центра тяжести. На орудія тогда клали три здоровыхъ найтова, которые крѣпились въ желѣзные рымы, вбитые въ бимсы. Кромѣ того, чтобы еще болѣе укрѣпить орудія и быть увѣренными, что онѣ, при сильной качкѣ, не дадутъ движенія, съ каждой стороны, между бортомъ судна и платформой станка, вставлялось по двѣ дубовыя распорки, на которыя клали тоже крѣпкій найтовъ, крѣпившійся въ бортовыя рымы.

Это крѣпленіе было вполне надежное, но оно совершенно перегорожало палубку лодки и отнимало у насъ всякую возможность имѣть хотя нѣсколько свободнаго мѣста, чтобы гулять по палубѣ; но ко всему можно привыкнуть, и мы привыкли, ходя по палубѣ, поднимать ноги, чтобы перешагнуть черезъ эти боковыя распорки.

Десятка*) служащая у насъ вмѣсто барказа, на время похода опрокидывалась на переднее бомбовье (60 ф.) орудія, къ которому и крѣпилось; вельботъ капитана, четверка и двойка, тоже во время переходовъ брались со шлюпъ-балокъ на палубу, устанавливались на блоки и крѣпились къ бортамъ, такъ какъ на шлюпъ-балкахъ оставлять ихъ было нельзя, при небольшомъ разстояніи ихъ отъ воды.

11 Января 1861 года, мы наконецъ вышли изъ Остъ-Индскихъ доковъ и пошли въ Гревзендъ, въ мѣстечко Greenhith, гдѣ мы нагрузили пароходъ и пошли внизъ по Темзѣ; но, выходя изъ Гревзенда, мы по неосторожности лоцмана, изворачиваясь между множествомъ судовъ, идущихъ по Темзѣ, задѣли нашимъ винтомъ за бочку мертвого якоря и погнули лопасть нашего винта; такъ что потомъ, когда хотѣли его поднять, чтобы вступить подъ паруса, это оказалось невозможнымъ. Винтъ нашъ можно было вытащить изъ колодца только при его прямомъ направленіи, т. е. когда обѣ лопасти находились въ оси длины лодки и такъ какъ одна изъ лопастей была изогнута, то вытащить винтъ изъ колодца на палубу не было возможности. Вслѣдствіе этого; мы подъ парами пошли въ Соутгамтонъ, гдѣ оказалось необходимымъ ввести лодку въ докъ, чтобы вынуть винтъ, исправленіе котораго задержало насъ въ Соутхамтонѣ нѣсколько дней, и только 26-го Января мы вышли въ Англійскій каналъ.

30-го Января, проходя мимо Фальмута, мы высадили тутъ нашего лоцмана и отправили съ нимъ наши письма, въ которыхъ посылали близкимъ послѣднее извѣстіе о себѣ предъ разставаніемъ съ Европой.

*) Шлюпка.

Но по выходѣ въ океанъ мы выдержали жестокой штормъ, продолжавшійся нѣсколько дней, и такъ какъ барометръ продолжалъ стоять очень низко, что предвѣщало продолженіе непогоды, то капитанъ рѣшился воротиться въ Фальмутъ и переждать въ немъ прекращенія бури. Она продолжалась съ 30-го Января по 4-ое Февраля и отличалась необыкновенной силой: волненіе развело чудовищное, что называется *une mer démontée*, и въ ночь на 2-ое Февраля погибло около береговъ Англїи до 80-ти судовъ.

Мы были очень рады, что вмѣсто того, чтобы безцѣльно качаться на волнахъ, тратить драгоценный нашъ запасъ угля и провизїи и рисковать возможнымъ поврежденіемъ лодки, мы спокойно оставались на Фальмутскомъ рейдѣ.

Фальмутъ находится въ западномъ Корнвальсѣ, недалеко отъ мыса Лизардъ, самой западной оконечности Англїи. Сторона здѣсь гористая, безлѣсная, бѣдная и очень скудная. Городокъ очень небольшой и бѣдный. Прогуливаясь по Фальмутскимъ улицамъ, среди ничтожныхъ его и бѣдныхъ лавокъ, удовлетворяющихъ скромнымъ потребностямъ рыболововъ и матросовъ, я наткнулся на сапожную лавку, хозяинъ которой, сидя предъ своими дверьми, точалъ грубые матроскіе сапоги, и я спросилъ его, могутъ ли быть сдѣланы сапоги *дѣйствительно непромокаемы*. Спросилъ я это потому, что имѣвшіеся у насъ сапоги, заказанные за дорогую цѣну въ Лондонѣ, какъ *непромокаемы*, оказались, во время только что выдержаннаго нами шторма, совершенно промокаемыми. Обстоятельство это было очень неприятно; ибо мы убѣдились, что палуба нашей лодки, отстоявшая такъ невысоко отъ воды, во время волненія постоянно покрывалась волнами, и такъ какъ мы съ лейтенантомъ Фесуномъ должны были стоять черезъ вахту, т. е. днемъ черезъ 6-ть часовъ, а ночью черезъ 4-ре, то, промочивъ всю свою обувь, никогда бы не имѣли время хорошенько высушить въ промежутокъ одной вахты. Поэтому я былъ прїятно удивленъ, когда сапожникъ мнѣ отвѣтилъ, что конечно можно имѣть дѣйствительно непромокаемы сапоги и что онъ такіе и дѣлаетъ; хотя я ему и не вполне повѣрилъ, но всетаки заказалъ ему пару сапогъ. Къ счастью, они оказались дѣйствительно совершенно непромокаемыми, если только ихъ смазывали саломъ, какъ мнѣ рекомендовалъ это дѣлать сапожникъ, и я во все время нашего полуторогодоваго плаванія, какъ бы мы ни были обливаемы волнами и дождями, никогда не промачивалъ себѣ ногъ и вѣроятно этому я и обязанъ, что здоровье мое сохранилось, и я выдержалъ тяжелую службу стоянія черезъ вахту. Конечно командиръ могъ бы облегчить намъ нашу службу и хотя бы одну вахту въ сутки взять на себя, но онъ этого не сдѣлалъ. Штурманскій нашъ

офицеръ, хотя и зналъ свое прямое дѣло, но былъ совершенно не свѣдущъ въ морской практикѣ, а наши два гардемарина Крыжановскій и Ирецкій были 16-ти лѣтнія совершенно несвѣдущія въ морскомъ дѣлѣ дѣти, и имъ поручить вахту на такомъ маленькомъ суднѣ и въ бурное время года было невозможно; только въ слѣдующемъ 1862 году они навыкли къ дѣлу и могли иногда и, подъ отвѣтственностью и наблюдениемъ Фесуна или моимъ, стоять вахту, и это намъ было большимъ облегчениемъ. Но въ настоящее время это было совершенно невозможно, и тягость нашего плаванія лежала исключительно на Фесунѣ и мнѣ.

Отстоявъ на вахтѣ съ 12 и до 6 часовъ, я шелъ внизъ выпить чаю и ложился спать; въ 12 часовъ ночи я уже выходилъ опять на верхъ; смѣнишься съ нея въ 4, пойдешь спать, а въ 8 опять уже должно быть на верху; тамъ опять маленькій отдыхъ и сонъ до 12 часовъ дня и потомъ опять на вахтѣ; такъ продолжалось во все время перехода, изъ которыхъ самые длинные были въ 46 и 52 дня. Почти все свободное время между вахтами было поглощено необходимымъ числомъ часовъ для сна и приема пищи, такъ что для чтенія или какихъ нибудь другихъ занятій оставалось не болѣе часа времени, да и то урывками.

Это было почти невыносимо тяжело. Бывало, только что немного отогрѣешься и, казалось, начнешь сладко засыпать, мой Михайло приходитъ уже будить словами: „вставайте, баринъ, на вахту пора“. Иногда, почти со слезами станешь одѣваться; Михайло смотрѣлъ на меня съ грустнымъ сочувствіемъ и со вздохомъ иногда говорилъ: „Богъ милостивъ, все пройдетъ“. Присутствіе челоуѣка, напоминавшаго мнѣ все дорогое прошедшее и любящаго всѣхъ членовъ нашего семейства, было мнѣ большимъ утѣшеніемъ.

Это плаваніе было для меня отличной жизненной школой, и *послѣ него никакая служба мнѣ никогда не казалась трудна, и ничто никогда не казалось мнѣ скучнымъ.*

Мнѣ кажется, что ни Фесунъ, у котораго здоровье было, что называется, скрипящее, ни я, мы бы не выдержали этого образа жизни, если бы не отдохновеніе и не облегченіе, доставляемые намъ во время стоянки въ портахъ. Здѣсь командиръ предложилъ намъ стоять вахты *посуточно*, поочередно съ Фесуномъ, и оба гардемарина вступали на вахту, такъ что черезъ сутки каждый изъ насъ былъ совершенно свободенъ. Это были уже *не вахты*, но *дежурство*, что, благодаря маленькимъ размѣрамъ лодки, было совершенно возможно безъ ущерба службѣ; ибо, когда мы находились внизу, было слышно все, что происходило на верху.

Въ Фальмутѣ я познакомился съ капитаномъ порта, королевскаго флота капитаномъ I-го ранга. Имени его я не помню, но благодаря ему нѣсколько дней проведенныхъ нами въ Фальсмутѣ прошли очень пріятно. Передъ отходомъ нашимъ онъ мнѣ подарилъ небольшое, круглое пресъ-папье изъ мрамора съ мыса Лизардъ и видомъ „Lauds'-end'a“ и скаль называемыхъ Needles (иглы), которымъ и оканчивается Англія на Юго-западѣ. Это было какъ бы послѣднее, вещественное воспоминаніе Европы, и я былъ очень тронутъ этимъ подаркомъ. Многіе годы я берегъ это пресъ-папье, и оно мнѣ всегда напоминало про нашъ выходъ изъ Европы въ дальнее плаваніе на „Моржъ“. „Желаю вамъ опять увидѣть это мѣсто при вашемъ возвращеніи“, сказалъ мнѣ капитанъ, и я смотрѣлъ на это пресъ-папье, какъ на провозвѣстника нашего счастливаго возвращенія изъ плаванія. Теперь, т. е. въ 1903 году, уже прошло 42 года со времени нашего плаванія на лодкѣ „Моржъ“, и тогдашнія впечатлѣнія и воспоминанія такъ поблекли и даже отчасти изгладились въ моей памяти, что я не въ состояніи описать его подробно.

11 Февраля мы наконецъ вышли изъ Фальмута, въ прекрасную и тихую погоду. Идя все время подъ парами, мы пришли 15-го Февраля въ Лиссабонъ, гдѣ пробыли цѣлую недѣлю и провели ее очень пріятно. Лиссабонъ очень красивый городъ. Онъ расположенъ на высокомъ, правомъ берегу рѣки Таго и спускается лѣстницей до самой рѣки, которая тутъ широкимъ и глубокимъ русломъ, между высокими, скалистыми берегами, образуетъ превосходный, обширный и закрытый рейдъ, на которомъ обыкновенно стоитъ множество судовъ, и Англійская эскадра проводитъ здѣсь обыкновенно зимніе мѣсяцы, находясь одинаково близко къ Гибралтару и своей средиземной эскадрѣ и къ Англіи и у самаго выхода въ Атлантическій океанъ. Португалія же вывозитъ почти исключительно въ Англію свое Опортское вино и всѣ свои произведенія и находится въ полномъ комерческомъ и политическомъ подчиненіи Англіи.

Самый Лиссабонъ по своимъ размѣрамъ и общему виду (за исключеніемъ гористой мѣстности) очень напоминаетъ Копенгагенъ. Городъ красивый и скромный по виду. На лучшей его площади конная статуя маркиза де Помбаля, великаго Португальскаго министра конца XVIII в.

Пребываніе въ Лиссабонѣ представляется мнѣ теперь какъ-то смутно и неотчетливо; нашъ посланникъ тогда въ Португаліи, Иванъ Петровичъ Озеровъ былъ очень милый и любезный человѣкъ; это родной братъ Александру Петровичу Озерову, Русскому посланнику въ Греціи и потомъ въ Швейцаріи, который въ послѣдствіи былъ шталмейстеромъ Великой Княжны Маріи Александровны и кавалеромъ ея

двора, до ея замужества съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Жена Ивана Петровича Озерова жила тогда въ Германіи, откуда она была родомъ, а онъ въ Лиссабонѣ жилъ на холостую ногу.

Генеральный консулъ нашъ въ Лиссабонѣ былъ г-нъ Лаксманъ; онъ жилъ очень гостепріимно, и мы, съ Иванъ Петровичемъ Озеровымъ, старшимъ секретаремъ посольства Катакази и нашимъ командиромъ, часто обѣдали у Лаксмана. Катакази съ усмѣшкой называлъ эти обѣды *les répas consulaires*. Лаксманъ жилъ въ старинномъ домѣ герцоговъ Абрайтесъ, не имѣющихъ ничего общаго съ Французской фамиліей герцоговъ *Абрайтесъ*. Въ этомъ домѣ, помню, была старинная, обширная, домовая церковь. Въ комнатахъ у Лаксмана много старинной Португальской мебели и много великолѣпныхъ старинныхъ креселъ и стульевъ, обтянутыхъ Испанской кожей *cuir de Cordoue*. Но самъ Лаксманъ не пользовался, относительно честности, хорошей репутаціей. Катакази, старшій секретарь посольства, былъ чрезвычайно остроумный, *mais il était aussi peu scrupuleux que possible et même plus*. Кажется, въ это время началась его исторія съ герцогиней Санъ-Северино, женой Неаполитанскаго посланника въ Лиссабонѣ, женщиной чрезвычайно красивой, которую онъ увезъ отъ мужа и потомъ скрывалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ на ней женился. Пока все это происходило, онъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ Министерство, и однажды его послали курьеромъ въ Вашингтонъ; но онъ, связанный своими похождениями съ герцогиней Санъ-Северино, пріѣхалъ въ Ливерпуль къ отходу парохода въ Америку; увидавъ отъѣзжающаго Англійскаго кабинетскаго курьера, онъ передалъ ему свои бумаги и попросилъ сдать ихъ Русскому генеральному консулу въ Нью-Йоркѣ. Бумаги были аккуратно доставлены, и генеральный консулъ отправилъ ихъ Русскому посланнику въ Вашингтонъ. Въ бумагахъ было сказано, что доставляющій ихъ г-нъ Катакази передастъ *словесно* посланнику инструкціи министра князя Горчакова; но самаго Катакази не оказывалось, и посланникъ съ удивленіемъ узналъ, что важныя и секретныя бумаги были привезены Англійскимъ курьеромъ, о чемъ и донесъ въ Петербургъ въ Министерство. Самъ же Катакази пропалъ шесть мѣсяцевъ и наконецъ появился въ Петербургѣ въ Министерствѣ. Конечно князь Горчаковъ его не принялъ и, не исключивъ изъ службы единственно изъ уваженія къ его отцу, заслуженному Русскому дипломату, приказалъ зачислить Катакази-сына въ Азіатскій Департаментъ. Однажды, когда князь Горчаковъ обходилъ Министерство, онъ увидалъ Катакази и отвернулся отъ него, но потомъ остановился и, круто поворотившись, подошелъ къ нему и сказалъ ему съ гнѣвомъ: „*Jeune homme, vous vous perdez!*“ Но Катакази, нимало не смутив-

шись, низко поклонился князю и отвѣтилъ ему: „oui, mon prince, dans la foule de vos admirateurs!“*) Князь Горчаковъ былъ такъ пораженъ этимъ отвѣтомъ, и онъ ему такъ понравился, что онъ пригласилъ Катакази къ себѣ въ тотъ же день обѣдать, потомъ его къ себѣ приблизилъ и сталъ очень высоко цѣнить его умъ и способности, а черезъ три года назначилъ его посланникомъ въ Соединенные Штаты; но тамъ вышли у Катакази большія непріятности съ Американскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ по денежнымъ дѣламъ, и Катакази должны были отозвать. Затѣмъ онъ состоялъ негласнымъ нашимъ агентомъ въ Парижѣ, гдѣ и скончался.

Португальскій король посѣтилъ нашу лодку, такъ какъ тогда это былъ для него еще новый типъ судовъ. Король донъ-Луи, былъ старшій сынъ королевы доны-Маріи-да-Глоріа; онъ еще былъ молодой человѣкъ, очень любезный, симпатичный и весьма застѣчивый. Еще не было года, что онъ лишился своей прелестной супруги, рожденной принцессы Гогенцоллернъ-Зигмарингенской (родной сестры короля Румынскаго), о которой онъ очень горевалъ. Кажется, черезъ годъ или два, и самъ онъ умеръ, оставивъ престолъ своему брату герцогу (Опортскому, который тоже царствовалъ недолго. Король съ большимъ интересомъ осмотрѣлъ нашу лодку и присутствовалъ при артиллерійскомъ ученіи (которое мы сами сочинили) изъ Витвортскихъ орудій; пушки, заряжающіяся съ казенной части, тогда были еще новостью.

Во время стоянія нашего на Лиссабонскомъ рейдѣ съ лодкой было странное приключеніе, которое, слава Богу, окончилось для насъ еще очень благополучно.

Вечеромъ 15-го Февраля, во время отлива, когда въ Таго скорость теченія доходила до 7-ми узловъ, большое коммерческое, Португальское судно, стоявшее на якорѣ нѣсколько выше (по теченію) „Моржа“, вздумало перемѣнить свое мѣсто, и едва „Купецъ“, поднявъ якорь, сталъ сдаваться на кабельтовѣ, завезенномъ на другое, стоящее впереди судно, кабельтовъ лопнулъ, и купеческій корабль, повернувшись лагомъ быстро полетѣлъ внизъ по теченію и черезъ нѣсколько секундъ его навалило на стоявшій на якорѣ военный Португальскій бригъ; напоръ былъ страшный, цѣпь брига не выдержала, и бригъ вмѣстѣ съ „Купцомъ“ стало наваливать на нашу лодку. Мы вытравили нашу якорную цѣпь, насъ отнесло нѣсколько въ сторону; но вдругъ оказалось, что и насъ дрейфуетъ и что якоря этихъ судовъ задѣли за нашъ якорь, на днѣ рѣки. и тянули насъ тоже. Немедленно мы расклепали нашу цѣпь, и дрейфующія суда понеслись ниже, увлекши по

*) Т. е. Молодой человѣкъ, вы теритесь.—Да, князь. въ толпѣ вашихъ обожателей.

дорогѣ еще два судна съ собою, и стали наваливать на Англійскую эскадру, гдѣ счастливою случайностью избѣгли дальнѣйшихъ катастрофъ. Мы же перемѣнили наше якорное мѣсто, стали выше Португальскаго линейнаго (паруснаго) корабля „Васко де Гама“, но вдругъ сильнымъ теченіемъ и насъ и корабль стало вертѣть, съ увеличивающеюся быстротой, кругомъ нашихъ канатовъ, и къ счастью, что при семъ не было столкновеній корпусовъ нашихъ, но два раза наша кормовая часть быстро проносилась подъ углераромъ корабля, и въ одну минуту съ трескомъ полетѣла наша бизань-мачта, затѣмъ, слава Богу, все успокоилось, и мы, разведя пары, отошли подальше отъ нашего опаснаго соедѣства, а столкнусь съ нимъ съ такою силою лодка своимъ корпусомъ, она бы получила очень значительныя поврежденія.

Изъ Лиссабона мы пошли на *Мадеру*, куда и прибыли, благополучно, черезъ нѣсколько дней прекрасной погоды. Подходя къ острову Мадерѣ, мы сначала увидѣли, при утреннемъ освѣщеніи, какъ бы въ туманѣ, неясное очертаніе его горъ, точно въ облакахъ, но мало по малу они становились яснѣе, и наконецъ мы увидали Мадеру во всей ея красѣ. Мадера очаровательна, и ея главная прелесть, это ея чудный, бальзамичный, живительный, чистый воздухъ.

Фуналь, столица Мадеры, совершенно Англійскій городъ, но съ примѣсю Португальскихъ нравовъ и обычаевъ прежнихъ временъ. Есть и Англійскія коляски и верховыя лошади, но рядомъ съ этимъ, обитатели ѣздятъ по мостовымъ на экипажахъ съ полозьями, вмѣсто колесъ, и запряженныхъ волами вмѣсто лошадей. Такая же смѣсь во всемъ обиходѣ здѣшнихъ нравовъ.

Наша лодка, сидящая въ водѣ неглубоко, стала на якорь недалеко отъ берега; но большія суда, сюда приходящія, остаются подъ парами или парусами, такъ какъ недалеко отъ берега чрезвычайно большая глубина, и приходилось бы имъ выпускать слишкомъ много якорной цѣпи, что очень неудобно, а закрытой гавани здѣсь нѣтъ.

Мы съѣхали на берегъ на одной изъ туземныхъ лодокъ, окружившихъ нашъ „Моржъ“, потому что на нашихъ шлюпкахъ и съ непривычными людьми, вслѣдствіе буруновъ, это невозможно: океанская волна, разбиваясь о берегъ, производитъ большой бурунъ и, приближаясь къ берегу, гребцы такъ изловчаются, что какъ только прихлынувшая волна начинаетъ разбиваться (выкидывая съ собою на берегъ и лодку), гребцы изъ нея выскакиваютъ въ воду и изо всѣхъ силъ быстро тащатъ лодку дальше на берегъ, гдѣ пассажиры и высаживаются уже на сухое мѣсто, пока не наступила слѣдующая волна. Когда же садятся въ шлюпку, чтобы возвратиться на свой корабль.

то, посадивъ пассажировъ въ шлюпку, гребцы, какъ только разбившаяся волна начинаетъ отходить отъ берега, съ быстротою молніи тащатъ шлюпку въ воду и, вскочивъ въ нее, гребутъ со всевозможною скоростью, чтобы лодка перескочила скорѣе черезъ гребень волны, раньше чѣмъ она идетъ разбиваться о берегъ, и уже тогда лодка подвигается безопасно, покачиваясь на тихой океанской зыби. Эти посадки въ шлюпку и высаживанія изъ нея насъ очень веселили.

Другое удовольствіе было спускъ съ крутой горы Mount-Chapel, въ креслахъ на полозьяхъ. На гору мы поѣхали по прекрасному шоссе верхомъ, и видъ съ ея вершины великолѣпный. У вашихъ ногъ весь городъ и его прелестныя окрестности, покрытыя густою зеленью, а дальше безконечный океанъ. Съ горы же спускаются по крутѣйшей дорогѣ, вымощенной мелкими, полированными отъ постояннаго тренія, камнями; къ креслу, сзади его, придѣланы два ремня, за которые держатся два туземца, управляющіе этими санями. Эта дорога идетъ крутыми зигзагами, концы которыхъ подходятъ къ страшнымъ обрывамъ. Кресла летятъ со страшной быстротой; вы, стремглавъ, летите къ обрыву, и вамъ кажется, что вотъ-вотъ и вы погибли, но довкимъ движеніемъ кресла поварачиваютъ направо и налево, и черезъ пять минутъ вы уже благополучно спущены внизъ, между тѣмъ какъ въ гору поднимались въ продолженіи почти цѣлаго часа.

Но самое большое удовольствіе намъ на Мадерѣ было сидѣть на верандѣ какого нибудь ресторана и наслаждаться воздухомъ. По истинѣ здѣсь каждое дыханіе есть ощущеніе какого-то блаженства, какой-то полноты жизни: такъ воздухъ здѣсь мягокъ, чистъ и благоуханенъ, благодаря множеству пахучихъ цвѣтовъ и океанской влагъ.

Мадера въ это время только что оправлялась отъ большого кризиса. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всѣ ея виноградники погибли отъ филлоксеры. Сначала ихъ замѣняли было разсадкой апельсинныхъ деревьевъ, но выгода отъ нихъ была очень маленькая, и наконецъ изъ Америки были привезены новыя лозы, и прежнее винодѣліе возобновилось. Мы могли сдѣлать очень хорошій запасъ вина на всю предстоящую намъ кампанію.

На одномъ благотворительномъ дневномъ концертѣ, гдѣ присутствовало все Фунхальское общество, мы видѣли Австрійскую императрицу, проводившую здѣсь эту зиму для поправленія, якобы, своего здоровья. Она была чрезвычайно красива, выступала точно пава, и намъ показалось, была очень занята своею красотою и производимымъ ею эффектомъ.

Мы оставались на Мадерѣ 4 или 5 дней и, пополнивъ запасъ угля, отправились на острова Зеленаго мыса, которыхъ достигли бла-

гополучно, идя штилями, постоянно подъ парами. Главный портъ островъ Зеленаго мыса „Порто-Гранде“ скучнѣйшее, безлѣсное, низменное мѣсто; но это важный пунктъ для полученія свѣжей воды, угля и провизіи, получивъ которые, мы пошли дальше, направляясь къ Рио-де-Жанейро.

Отойдя недалеко отъ острововъ Зеленаго мыса, мы вступили въ пассаты и, прекративъ пары, распустили паруса и шли до Рио-де-Жанейро, кажется, 10 дней.

Плаваніе пассатами чрезвычайно пріятно, особенно весной; ровный, тихій вѣтеръ безостановочно толкаетъ васъ впередъ и своимъ постоянствомъ и ровностью внушаетъ вамъ какое-то чувство покоя и увѣренности, къ которымъ мы не привыкли въ нашихъ Европейскихъ моряхъ, гдѣ переменны такъ часты и неожиданны.

Подходя къ экватору, мы вступили въ полость штилей и легкихъ шкваловъ съ дождемъ, и это пространство мы шли подъ парами, пока не вступили въ юго-западный пассатъ и потомъ въ Бразильскій муссонъ, съ которымъ мы и прибыли благополучно въ Рио-де-Жанейро 10-го Апрѣля.

Близъ Мадеры мы видѣли въ первый разъ большого кита. Это было въ 6-ть часовъ утра, когда вдругъ у насъ съ лодки замѣтили большую сѣрую массу въ разстояніи не болѣе 20-ти сажень отъ лодки. Китъ плылъ тихо и совершенно спокойно и сталъ пускать свой фонтанъ; потомъ скрылся подъ водой, а черезъ нѣсколько минутъ снова появился на водѣ, но уже съ другой стороны лодки и снова пускалъ свой фонтанъ, и эти исчезновенія и появленія повторялись нѣсколько разъ, пока онъ не удалился совсѣмъ отъ насъ. Мы всѣ, и офицеры, и матросы, смотрѣли на кита съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Около экватора очень занимало насъ *созвѣздіе Южнаго Креста*; но звѣзды въ немъ расположены такъ неравномѣрно, что оно мало напоминаетъ крестъ. Въ южномъ полушаріи это созвѣздіе играетъ ту же роль, что въ сѣверномъ Большая Медвѣдица, но эта послѣдняя, по яркости своихъ звѣздъ и очертанію, гораздо красивѣе.

Во время плаванія въ тропикахъ и на экваторѣ мы не страдали особенно отъ жары. У насъ лѣтомъ на Югѣ Россіи бываетъ гораздо жарче и, главное, удушливѣе, не говоря уже о томъ, что на нынѣшнихъ желѣзныхъ судахъ въ Черномъ морѣ бываетъ невыносимая жара. Мы всѣ окачивались водою изъ за борта по три раза въ день и, благодаря этому, всѣ чувствовали себя очень хорошо.

Рио-де-Жанейро было для насъ великимъ разочарованіемъ. Въ нашемъ воображеніи оно было синонимомъ очарованій тропической природы, роскошной растительности пальмовыхъ лѣсовъ съ попугаями,

колибри и всякими другими рѣдкими птицами и обезьянами. Но городъ оказался самымъ скучнымъ, некрасивымъ и негостепріимнымъ; онъ построенъ на безлѣсной, сухой равнинѣ.

Капитанъ нашъ поѣхалъ въ Петрополисъ, лѣтнюю резиденцію Императора, всѣхъ богатыхъ жителей Рио-де-Жанейро и всего дипломатическаго корпуса, и тамъ, говорятъ, природа дѣйствительно чудная; но Петрополисъ далеко отъ Рио-де-Жанейро, намъ туда не удалось съѣздить и мы только увидѣли уголокъ тропической природы въ ботаническомъ саду Рио-де-Жанейро, гдѣ всего замѣчательнѣе длинная аллея высокихъ пальмъ, точь въ точь напоминающая внутренность готическаго собора; при видѣ этой аллеи дѣлается ясно, чѣмъ и гдѣ внушены человѣчеству средневѣковая архитектура.

Затѣмъ мы ѣздили довольно часто въ Бутаого, прелестную мѣстность на берегу океана, въ полу-часовомъ разстояніи, по желѣзной дорогѣ, отъ Рио-де-Жанейро; но и это посѣщеніе было смѣшано для насъ съ тяжелыми ощущеніями, потому что мы ѣздили туда въ гости въ санаторію къ очень любезному доктору, имя котораго я уже теперь забылъ, а въ этой санаторіи недавно умерли отъ желтой горячки два нашихъ офицера, съ бывшаго передъ нами въ Рио-Жанейро клипера „Гайдамакъ“.

Бразильское общество очень не гостепріимно и необщительно; намъ никто даже изъ начальствующихъ лицъ не оказалъ ни малѣйшаго вниманія, и время проходило для насъ очень скучно и однообразно. Театра въ это время не было, и единственное зрѣлище, которое мы видѣли, была церемонія открытія парламента Императоромъ, прибывшимъ въ парламентъ съ большою торжественностью въ сопровожденіи всего своего двора и нѣсколькихъ полковъ арміи, въ числѣ которыхъ былъ полкъ Негровъ.

Но, не смотря на всѣ усилія Императора, управленіе Бразиліей малоуспѣшно. Главная причина ея слабости—несоразмѣрность ея обширнаго объема и крайняя малочисленность населенія. Всѣ старанія Императора привлечь эмигрантовъ въ Бразилію не удавались; прежде всего, потому что Бразильскій климатъ очень вреденъ Европейцамъ, которые всѣ здѣсь страдаютъ печенью и желтой лихорадкой, такъ что и въ Рио-Жанейро они всѣ желты какъ лимоны, а тоже и потому, что при существовавшемъ тогда еще (да и теперь) въ Бразиліи невольничествѣ, свободный трудъ никакъ здѣсь привиться не могъ. Можно сказать, что вся политическая машина Бразильскаго правительства съ его палатами и управленіемъ дѣйствовала какъ бы въ пустую, а страна продолжала прозябать сама по себѣ и сфера чиновниковъ и депутатовъ, что называется *Politicians*, и здѣсь пользуется такою же худою репутациею какъ

и въ Сѣверныхъ Штатахъ; это интриганты, говоруны, либералы по Французскому шаблону и больше ничего, и они не знаютъ ни своей страны, ни ея нужды; офицеры арміи и флота тоже очень плохи и занимаются больше политикой, чѣмъ дѣломъ. Горсть военныхъ честолюбцевъ и произвела, въ началѣ 70-хъ годовъ, ту несчастную революцію, которою Имперія уничтожена и замѣнена республикой. Это великое несчастіе для Бразиліи, потому что Императоръ Донъ-Педро дѣйствительно понималъ нужды Бразиліи и хотя медленно, но всетаки дѣло ея заселенія и развитія шло впередъ. Но онъ сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что уѣхалъ въ Европу, гдѣ оставался два года, въ концѣ которыхъ онъ узналъ, что онъ сверженъ съ престола и что Бразилія объявлена республикой. Одна изъ главныхъ причинъ этого переворота была непопулярность его намѣстниковъ, слывшихъ слѣпымъ орудіемъ духовенства.

Во время пребыванія нашего Государя и Императрицы въ 1873 году въ Ливадіи, Бразильскій императоръ пріѣзжалъ въ Крымъ и ничего еще и не подозрѣвалъ о готовившемся въ Бразиліи переворотѣ.

Я сопровождалъ Великаго Князя Сергія Александровича, когда тотъ ѣздилъ къ императору Бразильскому, находившемуся въ Алушкѣ, у княгини Маріи Васильевны Воронцовой. Онъ былъ въ восторгѣ отъ ея ума, прелестнаго обращенія и отличнаго завтрака, которымъ они его угостили. Онъ почиталъ себя мудрецомъ и очень удивился, когда Великій Князь Алексѣй Александровичъ (бывшій въ Бразиліи), увидавшись съ нимъ въ Крыму, на прямикъ сказалъ ему, что продолжительное пребываніе въ Европѣ опасно для его власти. Въ отвѣтъ на это Императоръ разсмѣялся.

Во время пребыванія лодки „Моржъ“ въ Рио-Жанейро, нашъ командиръ рѣшилъ, что онъ пойдетъ на Амуръ не кругомъ Африки, какъ думалъ сначала, но Магеллановымъ проливомъ, что и было единственно благоразумнымъ и *возможнымъ* для насъ путемъ. Дѣйствительно, какъ могла наша лодка съ запасомъ угля на недѣлю и плоскодонная, отважиться на бурные переходы Южнымъ и Индѣйскимъ океанами при огромномъ волненіи? Идя же Магеллановымъ проливомъ и подъ парами, а тамъ каналомъ Смита и другими, мы выходили гораздо безопаснѣе и легче въ Тихій океанъ и, возобновивъ свои запасы угля въ Вальпарайзо, подъ парами же могли идти въ Калляо, а оттуда уже, пользуясь пассатами, безъ всякаго риска могли рассчитывать придти на Сандвичевы острова, въ Японию и потомъ къ устью Амура, въ Николаевскъ.

Исправивъ въ Рио-де-Жанейро трубки въ нашихъ котлахъ, которыя текли, мы пошли въ направленіи къ Ла Платѣ, вдоль южнаго берега Америки.

Переходъ нашъ изъ Рио-де-Жанейро—въ Монтевидео продолжался 22 дня и былъ очень бурный; люки были почти закупорены, и воздухъ въ каютахъ былъ невыразимо спертый. Къ этому прибавилась весьма чувствительная неприятность. Штурманскій нашъ офицеръ Жоховъ, содержатель нашей каютъ-компаніи, по своей глупости и непростительной небрежности, передъ уходомъ изъ Рио-де-Жанейро взял провизіи всего на нѣсколько дней и теперь вдругъ объявилъ намъ, что у него больше провизіи нѣтъ и что мы будемъ принуждены питаться матросскою провизіею, брать ее изъ ахтеръ-люка, т. е. питаться горохомъ, кислой капустой и солониной. Мы всё пришли въ негодованіе, немедленно смѣнили его съ должности содержателя. Но отъ этого было не легче, и пришлось подчиниться. Въ морѣ, гдѣ нѣтъ ни какихъ развлеченій и иныхъ событій, кромѣ бурь, пища играетъ большую роль. Чтò у насъ будетъ за обѣдомъ и за ужиномъ? Это вопросы большой важности.

Командиръ и офицеры просили меня взять на себя обязанность содержателя каютъ-компаніи и такъ какъ по закону и обычаю никто отъ этого отказываться не долженъ, то я принялъ эту обязанность, въ которой и оставался до конца нашего плаванія; при этомъ мнѣ былъ особенно полезенъ мой слуга Михайло, который былъ прекрасный поварь; но чтò и онъ могъ сдѣлать при неимѣннй провизіи?

По приходъ въ Монтевидео (19 Мая) насъ заставили три дня пробить въ карантинѣ, потому что въ Рио-де-Жанейро, когда мы тамъ стояли, была желтая лихорадка.

Монтевидео городъ очень небольшой, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго, уже въ то время онъ былъ столицею республики Монтевидео, отдѣлившейся нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отъ Аргентинской конфедераціи. Прекрасный рейдъ и удобный пунктъ для вывоза мяса и хлѣбныхъ продуктовъ, производство которыхъ въ это время уже стало развиваться, вслѣдствіе прилива эмиграціи въ Ла-Плату, весьма способствуютъ быстрому развитію Монтевидео; но всетаки, въ то время это былъ еще очень скучный и незначительный городъ. Между тѣмъ какъ Буэносъ-Айресь, находящійся въ 130-ти миляхъ отъ Монтевидео выше по теченію Ла-Платы, имѣлъ въ то время уже 130-ть тысячъ жителей и считался, во всей южной Америкѣ, вторымъ Парижемъ; но мы, къ сожалѣнію, не имѣли времени туда съѣздить.

Въ Монтевидео я былъ исключительно занятъ закупкой живности и провизіи для нашей каютъ-компаніи. Загроможденная наша палуба еще болѣе загромодилась стойлами для свиней и клѣтками для куръ; ходить и кормить ихъ былъ назначенъ матросъ Казанцевъ. Когда приближалось время кормленія свиней, то бывало они только завидять

Казанцева съ баками для ихъ пищи, то поднимають неистовые хрюки и крики.

Погрузивъ уголь и освѣживъ нашу команду, мы покинули 27-го Мая Монтевидео, гдѣ простояли недѣлю, и пошли въ Магеллановъ проливъ, куда вошли только 14-го Іюня.

Это плаваніе до пролива было еще труднѣе предыдущаго. Насъ сопровождали крѣпкіе вѣтры, сырость, холодъ, солнце выглядывало рѣдко и не надолго, такъ что иногда по два и три дня мы не могли дѣлать обсервацій и опредѣлить съ точностью своего мѣста, что здѣсь особенно важно вслѣдствіе постоянной близости берега и сильныхъ и неправильныхъ теченій, существующихъ близъ него.

7-го Іюня во время сильнаго пампероса мы едва не были выброшены на берегъ! Вотъ какъ сослуживецъ мой Н. А. Фесунъ описываетъ этотъ случай въ своемъ дневникѣ:

„Цѣлый рядъ штормовъ, сопровождавшій лодку по выходѣ изъ Рио-де-Жанейро, былъ непріятенъ конечно, но никогда не приходилось такъ скверно, какъ сегодня, и если бы не особенная благодѣнья, то отъ насъ остались бы лишь небольшія щепы, разбросанныя между скаль Патагонскаго берега“.

„Послѣ шторма отъ О N O, считаемаго по направленію вѣтра за исключеніе, къ закату солнца вчерашняго дня начало какъ будто бы стихать; у стакселей отдали рифы, стали мечтать уже о постановкѣ фока, рассчитывали вогнать лодку въ 8-мъ узловъ хода (нашъ тахішип), но не тутъ то было: въ полночь выйдя на вахту, я засталъ горизонтъ пасмурнымъ, впереди, на разстояніи двухъ кабельтовыхъ, ничего не видно, дождь съ изморозью, и барометры не опускаются постепенно, а просто мчатся къ низу“.

„На разсвѣтѣ сегодня, принимая въ расчетъ всѣ обстоятельства предшествующихъ пяти сутокъ, въ которые мы не могли имѣть обсервацій, капитанъ полагалъ, что нашъ курсъ вель въ 40 миляхъ отъ мыса „Трехъ Пунктовъ“ (широта 47° 35' s; долгота 65° 30' w), ограничивающаго большой заливъ Святаго Георгія. Заливъ этотъ совершенно открытъ отъ всѣхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Чтобы отойти далѣе въ океанъ, было необходимо привести, т. е. потерять попутный вѣтеръ и увеличивать переходъ до Вальпарайзо, и безъ того обѣщавшій быть довольно продолжительнымъ....

„До Магелланова пролива намъ оставалось не болѣе 300 миль, но какъ N O штормъ могъ продлиться, а послѣ него, по всей вѣроятности, насъ ждали упорные западные вѣтры, то, разъ удалившись въ море, при качествахъ лодки было бы трудно снова выбраться къ берегу. Всѣ эти причины (какъ тяжело не приходилось „Моржу“) заставили насъ продолжать пользоваться попутнымъ штормомъ до послѣдней возможности тѣмъ болѣе, что глубина, показываемая динь-лотомъ, каждые два часа, вполне подтверждала убѣжденіе, что мы не ближе 40 миль отъ берега. Къ 8-ми часамъ утра N O перешель къ N N O. Я въ полдень, спускаясь внизъ, сдаль А. (это я) штормъ отъ N-w.

Лодка съ трудомъ уходила отъ волненія, мгла все сгущалась и хотя въ три часа по полудни, когда снова привели въ бейдевиндъ, чтобы бросить лотъ, глубина оказалась совершенно согласной со счисленіемъ и можно было думать..... что паралель мыса „Трехъ Пунктовъ“, пройдена уже болѣе двухъ часовъ тому назадъ.

Въ 4-ре часа, когда по измѣненію качки стало очевидно, что мы снова спустились, вдругъ раздался какой-то необыкновенный топотъ на верху. Не успѣлъ я высунуть голову изъ люка, какъ услышалъ крикъ: „берегъ виденъ, берегъ прямо передъ носомъ“. Въ это время мрачность нѣсколько прочистилась, и высокія, обрывистыя горы виднѣлись не болѣе, какъ въ 6-ти много 7-ми миляхъ..... Руль положили на бортъ, лодка бросилась къ вѣтру, поставили фокъ и фокъ-марсель (конечно глухо зарифленныя), погнулась мачта и фокъ-стенга, затрепцали реи, подвѣтренный бортъ ушелъ въ воду..... Стали разводять пары (но они не могли поспѣть раньше 1—1½ часа). Въ это время пасмурность совсѣмъ прояснилась, и мы увидѣли, что берегъ не только передъ носомъ, но въ право и въ лѣво. Какъ оказалось впоследствии, лодка съ попутнымъ штормомъ влетѣла въ одну изъ южныхъ бухтъ залива Святаго Георгія (бухта Мазаредо) и не смотря на форсированные паруса, тѣмъ или другимъ гальсомъ, все же не представлялось ни малѣйшей возможности вылавировать назадъ въ океанъ..... Между тѣмъ насъ валило бокомъ и сносило все ближе и ближе къ берегу; уже хорошо можно было различить скалы, уже мелькали буруны; до берега оставалось 4 мили.

Вдругъ вѣтеръ начинаетъ отходить отъ N идетъ къ N N W, потомъ къ N W, и отходя замѣтно стихаетъ. У фокъ и гротъ триселя отдають рифы; лодка поднимается на 4 румба; пары наконецъ готовы, и винтъ съ большимъ трудомъ, на большомъ волненіи, опущенъ на мѣсто; дали ходъ машинѣ, двигаться начинаемъ скорѣе; проходить часъ, другой, и вотъ мы выбрались изъ Мазаредо; еще нѣсколько часовъ, и „Моржъ“ внѣ всякой опасности, опять въ океанѣ и на свободѣ.

„Не разчистись пасмурность передъ носомъ еще 10, 15 минутъ, не отойди вѣтеръ, тресни чтонибудь изъ рангоута, о спасеніи нечего было бы и думать. Крушеніе становилось неминуемымъ и для самаго лихаго морскаго судна, а не только для лодки, у которой съ хорошими даже обстоятельствами 13 румбовъ между поворотами, значительный дрейфъ и ничтожный выигрышъ при лавировкѣ“.

Остальное плаваніе до Магелланова пролива не представляло ничего особеннаго, хотя сопровождалось крѣпкими вѣтрами, холодами и дождями. Последняя ночь съ 13 на 14-ое Іюня, когда мы уже были у самаго входа въ проливъ, была особенно бурная, и западный вѣтеръ дулъ съ силою шторма. Утромъ 14-го Іюня мы опредѣлили свое мѣсто по мысу Виржинъ, находящемуся у входа въ Магеллановъ проливъ, и шли подъ парами до бухты „Possession“, куда пришли въ 4½ часа дня. къ закату солнца, и здѣсь стали на якорь. Берега Ма-

гелланова пролива въ восточной его части, т. е. со стороны Атлантическаго океана очень высокіе и совершенно пустынные и безлѣсные. Съ лѣва отъ насъ была Огненная Земля, казавшаяся намъ безпорядочнымъ нагроможденіемъ скалистыхъ горъ.

Магеллановъ проливъ отъ входа въ него изъ Атлантическаго океана до мыса Пилларъ у выхода въ Тихій океанъ, имѣетъ длины всего 300 миль, что на хорошемъ паровомъ суднѣ, съ достаточнымъ запасомъ угля, даже съ остановками на ночь, можно легко пройти въ три дня. Но мы обязаны были беречь свой запасъ угля, необходимый намъ для перехода отъ пролива до Вальпарайзо, Тихимъ океаномъ, гдѣ въ это время года преобладаютъ намъ противныя сѣверо-западные вѣтры, и потому мы должны были нѣсколько разъ останавливаться для рубки дровъ, которыя здѣсь въ изобиліи, такъ какъ берега пролива, начиная съ *Sandy Point* (почти по серединѣ его протяженія) покрыты густыми лѣсами. Кромѣ того теперь въ Іюнѣ (здѣсь нашъ Декабрь), зима, и дни очень короткіе; солнце восходитъ около 8-ми часовъ утра и къ 4 $\frac{1}{2}$ уже становится темно.

Хотя проливъ замѣчательно описанъ Англійскимъ капитаномъ Фицъ-Роемъ, но всетаки, безъ лоцмана, идти незнакомой и извиистой узкостью, со множествомъ скалъ и подводныхъ камней надо съ большою осторожностью и вниманіемъ.

Какъ только мы взошли въ бухту Possession, первую нашу остановку на ночь въ Магеллановомъ проливѣ, мы спустили наши стеньги для предохраненія нашего рангоута отъ шкваловъ, которые здѣсь налегаютъ со страшной быстротой и всеокрушающей силой, что мы и испытывали по нѣскольку разъ въ день во время всего нашего плаванія въ проливѣ. Эти шквалы обрушивались съ горъ Американскаго материка и днемъ и ночью, иногда при совершенно ясномъ небѣ и моментально, такъ что иногда едва, едва мы успѣвали взять трипеля на гитовы, и то съ трудомъ. Но чаще шквалы эти сопровождались и дождями со снѣгомъ, и вообще погода во все время нашего плаванія Магеллановымъ проливомъ была отвратительная; морозовъ больше двухъ-трехъ градусовъ не было, но благодаря вѣтру и дождю было очень холодно и сыро.

Берега пролива, высокія скалы, величественны, дики и пустынны. Раза два или три во все время нашего плаванія мы встрѣчали лодки съ семьями дикарей, жителей Огненной Земли и береговъ пролива. Они очень схожи съ нашими Камчадалами, тоже ужасно грязны и бѣдны; единственная ихъ одежда кусокъ мѣха, покрывающій имъ спину. На каждой лодкѣ всегда помѣщается камень, на которомъ поддерживается въ тлѣющихъ угольяхъ огонь; иначе имъ приходится

добывать его съ такимъ большимъ трудомъ. На видъ они тщедушны, но больныхъ между ними мы не видали. Мы давали имъ что могли, но всего дороже имъ были *стички*, стеариновые огарки, сухари и старое платье. Они были такъ жалки, что намъ было грустно, что мы не могли имъ помочь серьезно. Давали имъ и по рюмкѣ рома и сахару въ видѣ лакомства и нѣсколько бывшихъ у насъ маленькихъ ручныхъ зеркалъ; видъ своихъ физиономій въ зеркалѣ забавлялъ ихъ чрезвычайно, причемъ они очень смѣялись. Повидимому этихъ кочующихъ жителей здѣсь очень немного, и они живутъ исключительно охотой и рыбной ловлей. На всякой лодкѣ были и собаки, совершенно схожія съ Камчатскими. Собака всюду сопровождаетъ человѣка, какъ самый вѣрный и неизмѣнный его другъ, и даже подъ полюсами и на отдаленныхъ океанскихъ островахъ, гдѣ бы ни былъ человѣкъ, при немъ всегда есть и собака.

Жители южнаго Американскаго материка *Патагонцы* совершенно не похожи на жителей пролива и Огненной Земли. Патагонцы высокого роста, красноватаго цвѣта кожи, очень сильные и здоровые. Мы ихъ видѣли въ проливѣ только въ Sandy Point, гдѣ единственное тутъ Чилийское селеніе съ небольшимъ гарнизономъ въ 50 человѣкъ, и здѣшній начальникъ называется губернаторомъ Магелланской терри-торіи. Сюда Патагонцы пріѣзжаютъ для мѣновой торговли и сбываютъ тутъ преимущественно мясо и шкуры гуанаковъ, нѣчто вродѣ нашихъ лосей.

По выходѣ изъ Possession, мы черезъ два дня прибыли въ Sandy Point или Punta Arenas, и къ намъ сейчасъ же пріѣхалъ губернаторъ Датчанинъ Шютте, очень любезный и услужливый человѣкъ; онъ предложилъ и дровъ изъ казеннаго запаса и провизіи и ничего не хотѣлъ за это брать, такъ какъ Чилийское правительство установило давать даромъ проходящимъ здѣсь судамъ: дровъ, прѣсной воды и живности, въ какой они нуждаются. Это Чилийское селеніе приноситъ большую пользу плавающимъ судамъ въ Магеллановомъ проливѣ, и существованіемъ его Чилийская республика заявляетъ о принадлежности ей всей окружающей терри-торіи.

Мы провели въ Sandy Point 4 дня, въ продолженіе которыхъ грузили дрова, наливали прѣсную воду, а главное исправляли трубы въ котлахъ, которыя у насъ очень текли.

Мы осмотрѣли все селеніе, нѣчто въ родѣ нашихъ степныхъ прежнихъ крѣпостей въ Оренбургскихъ степяхъ, и узнали много интереснаго отъ губернатора Шютте. Жизнь его—цѣль походовеній. Онъ былъ человѣкъ очень образованный и, будучи учителемъ въ какомъ-то знатномъ домѣ (онъ его не называлъ), влюбился въ дочь того лица,

у котораго служилъ, долженъ былъ удалиться и съ тѣхъ поръ скитался по свѣту, пока не добрелъ до настоящаго своего положенія. Онъ былъ очень храбрый и рѣшительный человѣкъ, и жизнь его была въ постоянной опасности и отъ своего гарнизона, состоявшаго изъ штрафованныхъ солдатъ, и отъ Патагонцевъ, и всѣ его предшественники были убиваемы; поэтому онъ всегда ходилъ съ кинжаломъ и заряженнымъ пистолетомъ, былъ всегда на чеку и жилъ, такъ сказать, въ осадномъ положеніи. Въ шесть лѣтъ, что онъ здѣсь губернаторомъ, онъ проложилъ хорошія дороги кругомъ селенія, обстроилъ его и держитъ его въ большомъ порядкѣ.

Отдохнувъ въ Sandy Point, мы пустились дальше.

Проливъ вообще довольно широкъ; наибольшая его ширина отъ 15-ти до 20-ти миль ширины и въ нихъ теченіе было очень сильное; такъ на примѣръ въ первой узкости „Fistnarro“, скорость теченія была до 7 узловъ и такъ какъ оно намъ было противное, то очень замедляло нашъ ходъ.

Всякій день на ночь мы становились на якорь и съ разсвѣтомъ шли дальше, но три раза мы останавливались на двое сутокъ, чтобы нарубить себѣ дровъ, и эта операція была очень утомительна для нашихъ людей; у насъ не было хорошихъ топоровъ для рубки лѣса, приходилось людямъ работать въ грязи и сырости подъ холодными дождями и свѣгомъ. Но наша команда работала охотно и усердно, понимая, что дрова намъ необходимы, чтобы сберечь уголь на плаваніе въ океанѣ. Вообще команда наша была прекрасная. Благодаря ея немногочисленности, мы скоро освоились со всѣми людьми и узнали ихъ. Никогда у насъ не было между людьми ни воровства, ни дракъ, ни ссоръ и никакихъ проступковъ, кромѣ того, что когда отпускали людей на берегъ, послѣ переходовъ, погулять, нѣкоторые изъ матросовъ возвращались пьяные; но это всегда и вездѣ бываетъ, проступкомъ даже не считается, и только изрѣдка нѣкоторыхъ лишали увольненія на берегъ; другихъ наказаній у насъ во все время нашего плаванія не было.

Капитана команда боялась и почитала, но не особенно любила, чувствуя, что онъ не Русскій по душѣ. Не любили люди и лейтенанта Фесуна и называли его Жидомъ; онъ былъ всегда мрачный, все видѣлъ въ черномъ свѣтѣ, былъ чрезвычайно самолюбивъ и не умѣлъ относиться къ Русскому матросу съ той простотой, добротой и авторитетностью, которыя присущи Русскому офицеру-барину и которыя такъ любятъ наши матросы и солдаты.

Команда особенно любила меня и нашего механика, кондуктора Олюнина. Олюнинъ былъ не баринъ, сынъ мелкаго чиновника изъ

курьеровъ, онъ былъ совершенно простой человѣкъ безъ воспитанія, но знающій свое дѣло. Онъ былъ очень добраго сердца и прекраснаго нрава, наклонный даже баловать свою машинную команду, съ которой у него была общая черта—любовь выпить, но тоже только, когда съѣзжалъ на берегъ для своего развлечения и никогда на службѣ. Его широкая, простая натура была въ высшей степени по сердцу нашимъ людямъ. И мы знали, что нѣтъ такой трудности, такого самоотверженія даже, на которое наша команда не была бы способна для своего начальства и исполненія его справедливыхъ требованій для безопасности судна и успѣха нашего труднаго плаванія. При этомъ команда вполне довѣряла свѣдѣнїямъ своихъ начальниковъ, ихъ опытности и, видя, какъ тяжела наша служба и какъ добросовѣстно мы несли ее, сама не жалѣла себя и все переносила охотно и весело.

Такія добрыя отношенія наши къ командѣ были мнѣ очень отрадны. Я чувствовалъ себя всегда въ родномъ элементѣ и нисколько не страдалъ отъ нашего одиночества. Мой Михайло былъ общимъ любимцемъ команды, а для меня его присутствіе содѣйствовало поддержанію бодрости и спокойствія душевнаго, отсутствіемъ которыхъ мой бѣдный сослуживецъ лейтенантъ Фесунъ такъ страдалъ. Записки его, напечатанныя потомъ въ Морскомъ Сборникѣ, до такой степени пессимистичны, что ихъ и читать тяжело. И хотя онѣ вполне справедливы, но все ему кажется въ такомъ грустномъ и тяжеломъ свѣтѣ, что хотя въ его описанїяхъ нѣтъ преувеличенія фактовъ и искаженія ихъ, но есть нѣкая экзажерация ихъ оцѣнки и какая-то тенденція видѣть все въ черномъ свѣтѣ, который не соответствовалъ общему нашему тогдашнему настроенію.

Всего хуже намъ пришлось въ бухтѣ Пляя-Парда или Леопарда, какъ ее назвала команда. Мы въ ней остановились для рубки лѣса и потомъ были задержаны въ ней трое сутокъ почти непрерывныхъ штормовъ. Хотя мы стояли у самаго берега, у подножія высокой горы въ 600 футовъ высоты, но вѣтеръ, падая съ вершины ея, дулъ съ такой силою, что мы, стоя на двухъ якоряхъ, во время порывовъ, давали средній ходъ впередъ, а иногда и *полный* и всетаки якорныя цѣпи оставались натянуты, а подъ кормой у насъ были подводныя скалы. Но, слава Богу, канатъ выдержалъ, и въ помощь ему мы еще завезли на берегъ кабельтовы.

Наконецъ 28-го Іюня мы подошли къ выходу изъ пролива у мыса Пилларъ, но здѣсь встрѣтили громадное волненіе и сильный противный намъ вѣтеръ отъ NW. Эти вѣтры, въ зимнее время, господствуютъ у южнаго берега Америки въ Тихомъ океанѣ до параллели Валдивіи и нерѣдко отбрасываютъ далеко къ Югу, даже южнѣе мыса Горна и

большія суда, такъ напимѣръ еще недавно былъ отброшенъ Французскій линейный, винтовой корабль *Duguay Trouin*. Мы же, плохо лавируя, могли ли рассчитывать вылавировать до Вальдивіи болѣе тысячи миль, при противномъ вѣтрѣ и громадномъ волненіи, при которомъ мы бы не могли и опрѣснять воды *).

Вслѣдствіи этихъ соображеній капитанъ, изучившій въ это послѣднее время основательно лоціи здѣшнихъ мѣстностей Фицъ-Роя, рѣшился теперь не выходить въ Тихій океанъ, а, повернувъ къ Сѣверу, идти проливами между группами острововъ, тянущихся вдоль Тихо-океанскаго берега южной Америки отъ залива Пинасъ. На протяженіи 500 миль отъ Пинаса до Вальдивіи мы надѣялись пройти отчасти лавировкой, отчасти подъ парами, а разстояніе отъ Вальдивіи до Вальпарайзо пройти отчасти подъ парами, а отчасти пользуясь юго-западными муссонами, которые къ веснѣ уже начинаютъ тутъ устанавливаться.

Плаваніе наше каналами Смита, Сарменто, Нельсона, *English Narrows* и пр. продолжалось до 20-го Іюля. Выйдя въ океанъ мы опять встрѣтили нѣсколько штормовъ, которые насъ очень задерживали; но дули иногда и попутные намъ вѣтры, которыми мы пользовались; выпадали и штили, во время которыхъ мы подвигались подъ парами, и наконецъ мы достигли 26-го Іюля большаго Чилийскаго острова Чилоэ, съ прекрасною внутреннею гаванью Сень-Карлосъ, гдѣ мы стали на якорь и оставались до 5-го Августа.

Плаваніе наше этими каналами имѣло совершенно такой же характеръ, что и плаваніе Магеллановымъ проливомъ съ тою только разницею, что по мѣрѣ того, какъ мы поднимались къ Сѣверу, погода дѣлалась теплѣе. Здѣсь наступала весна, и лѣса покрылись густою зеленью, но вездѣ всетаки была одинаковая пустыня и безлюдіе.

Сень-Карлосъ, начинающійся городъ, главный населенный пунктъ этого острова. Мы здѣсь исправили наши текущія трубки, могли получить нѣсколько угля и провизіи и освѣжить свою команду. На островѣ Чилоэ и близъ лежащемъ Американскомъ берегу, въ послѣдніе годы очень усилилась Европейская иммиграція, преимущественно Германская, и колоніи ихъ преуспѣваютъ; климатъ здѣсь очень похожій на южно-Германскій, почва плодородная и удобная для произростанія хлѣбныхъ злаковъ, и страна эта видимо заселяется и развивается. Много здѣсь и всякихъ авантюристовъ. Между прочимъ познакомились мы съ однимъ, такъ называемымъ здѣсь Русскимъ господиномъ

*) При опрѣсненіи воды надо ее выставять на воздухъ на открытую палубу и открывать люки, а на волненіи мы ихъ закупоривали, и волна всегда ходила у насъ на палубѣ.

Этотъ. Онъ очевидно былъ изъ Прибалтійцевъ и по-русски говорилъ, но не совсѣмъ хорошо; онъ считался здѣсь богатымъ человѣкомъ и былъ съ нами любезенъ и очень гостепріименъ, но, принимая насъ у себя, отказался пріѣхать къ намъ на лодку, говоря: „я опасуюсь къ вамъ пріѣхать, такъ какъ я бѣглець изъ Россіи, и вы должны меня арестовать“. Но въ чемъ онъ провинился, онъ намъ не высказалъ.

Въ Сень-Карлосѣ 7000 жителей, а на всемъ Чилоэ и окружающихъ его островахъ до 75 тысячъ. Дома здѣсь всѣ деревянные и очень напоминаютъ Петропавловскъ въ Камчаткѣ или Николаевскъ на устьѣ Амура. Тутъ была и гостинница, содержимая Французомъ, и въ ней мы съ большимъ удовольствіемъ завтракали или обѣдали; другихъ развлеченій въ Сень-Карлосѣ еще не было.

Въ Сень-Карлосѣ сбѣжалъ у насъ фельдшеръ Варфоломеевскій, что намъ было тѣмъ болѣе неприятно, что у насъ не было доктора. Мы этого никакъ не ожидали, потому что у насъ его всѣ любили и очень хорошо съ нимъ обращались; но онъ былъ Полякъ и вѣроятно былъ уговоренъ къ побѣгу своими соотчичами, которыхъ здѣсь довольно много. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ Варфоломеевскаго уговорили выдать себя за доктора, такъ какъ единственный докторъ въ Сень-Карлосѣ синьоръ Сорноза былъ шарлатанъ, только выдающій себя за доктора и не пользовавшійся довѣріемъ и расположеніемъ. По уходѣ нашемъ изъ Чилоэ Варфоломеевскій закупилъ себѣ разныхъ лекарствъ, открылъ аптеку и надъ своею дверью помѣстилъ вывѣску: „Донъ Бартоломео, докторъ медицины и хирургіи“.

По выходѣ изъ Сень-Карлоса мы дошли въ нѣсколько дней до Вальдивіи, города на Чилийскомъ берегу, гдѣ достали плохаго, мѣстнаго, каменнаго угля и, выйдя оттуда, сначала подъ парами, а потомъ пользуясь благополучными намъ муссонами, достигли благополучно 15-го Августа—Вальпарайзо, что было для насъ великимъ благополучіемъ. Здѣсь кончалась самая трудная и рискованная часть нашего плаванія, потому что отъ Вальпарайзо до Калляо мы рассчитывали встрѣтить попутный намъ муссонъ; а отъ Калляо до Сандвичевыхъ острововъ—плыть пассатами, и отъ Сандвичевыхъ острововъ до Японіи продолжать пользоваться тѣми же пассатными вѣтрами; отъ Японіи же до устьевъ Амура хода всего нѣсколько дней, которые можно пройти и подъ парами.

Одно становилось ясно, что мы не могли попасть въ Амуръ ранѣе вскрытія на немъ льдовъ, т. е. конца Мая, и потому намъ придется распредѣлять эти 9-ть мѣсяцевъ между южной Америкой, Сандвичевыми островами и Японіей.

По приходѣ нашемъ въ Вальпарайзо, командиръ просилъ меня составить рапортъ Великому Князю Генералъ-Адмиралу о нашемъ плаваніи отъ Монтевидео до Вальпарайзо, сказавъ, что сильно онъ разстроенъ заботою о своей семьѣ и страдаетъ глазами.

Я составилъ рапортъ, въ которомъ похвалилъ всѣхъ офицеровъ, гардемаринъ и команду, оставивъ только пробѣлъ о себѣ. Командиръ одобрилъ этотъ рапортъ и, прибавивъ нѣсколько словъ обо мнѣ, отослалъ его по назначенію. Этотъ рапортъ представляетъ систематическое описаніе нашего плаванія. Я досталъ этотъ рапортъ, къ сожалѣнію, уже когда написалъ воспоминанія мои объ этомъ же плаваніи и уже не могъ имъ воспользоваться, составляя свое описаніе по воспоминаніямъ, сохранившимся въ памяти моей, по истеченіи 42 лѣтъ.

Рапортъ этотъ помѣщенъ въ официальномъ отдѣлѣ Морского Сборника, въ № 12, въ Декабрѣ 1861 года.

Хотя Вальпарайзо и недостойно своего наименованія „райская долина“, потому что онъ, не смотря на свое живописное мѣстоположеніе, совершенно обезлѣсень, по Испанскому обычаю вездѣ вырубать лѣсъ, который по ихъ убѣжденію производитъ лихорадки; но всетаки это прекрасный, большой городъ съ 80,000 жителей, веселый и самый торговый на всемъ пространствѣ Западно-южнаго Американскаго берега. Даже столица Чилийской республики (Сантъ-Яго) меньше Вальпарайзо.

Мы провели въ Вальпарайзо два мѣсяца. И сами вполне нравственно и физически отдохнули и освѣжили команду, которой Вальпарайзо очень полюбился, и вполне исправили свою машину и котлы, а также всѣ поврежденія „Моржа“, вычистили его, провѣтрили и выкрасили.

Вальпарайзо расположенъ на южной и восточной сторонахъ обширной и глубокой бухты, совершенно открытой сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, которые иногда случайно дуютъ со страшной силой и разводятъ огромное волненіе. Во время этихъ вѣтровъ суда, стоящія на рейдѣ, подвергаются опасности быть выкинутыми на берегъ, и они обыкновенно предпочитаютъ уходить поскорѣе въ море и тамъ держатся до прекращенія сѣвернаго вѣтра. Но эти вѣтры случаются къ счастью довольно рѣдко и при томъ преимущественно въ зимніе мѣсяца (т. е. наши Европейскіе-лѣтніе); къ тому же за нѣсколько часовъ до наступленія сѣверныхъ вѣтровъ, гора Аконг-Кагва (7000 метровъ), возвышающаяся къ Сѣверу (т. е. въ лѣво) отъ Вальпарайзо, всегда покрывается бѣлыми облаками и это служитъ сигналомъ—судамъ уходить въ море. Къ счастью во все время нашего пребыванія въ Вальпарайзо, ни разу не было этихъ штормовъ отъ Сѣвера, и мы простояли спокойно

на якорѣ, на огромной глубинѣ 32-хъ сажень; хотя очень близко отъ набережной города, но и тамъ, у самаго берега, глубина не менѣе 20 сажень и большіе купеческіе корабли пристають къ самому берегу. Чилійскія военныя суда тоже постоянно стоятъ въ Вальпарайзо, какъ въ главномъ Чилійскомъ портѣ.

Чилійскій флотъ состоялъ тогда изъ нѣсколькихъ винтовыхъ корветовъ, транспортовъ и болѣе мелкихъ судовъ. Всѣ они въ полной исправности, въ прекрасномъ видѣ и полной боевой готовности: и офицеры, весьма знающіе свое дѣло, и команды хорошо приучены.

Все это было заведено Англійскимъ адмираломъ лордомъ Кокреномъ, который, находясь на Чилійской службѣ, начальствовалъ ея флотомъ и прекрасно его устроилъ. Кокренъ былъ исключенъ изъ Англійской службы за незаконныя спекуляціи во время своего нахожденія членомъ въ парламентѣ и даже за это былъ исключенъ изъ числа кавалеровъ ордена Бани.

Во время вооруженія „Моржа“ въ Лондонѣ, я случайно присутствовалъ при погребеніи жены Кокрена въ Вестминстерскомъ аббатствѣ... При этомъ помню, что всѣ присутствующіе послѣ погребенія прошли въ капеллу Генриха VII (въ томъ же Вестминстерскомъ соборѣ), гдѣ сохраняются хоругви всѣхъ кавалеровъ ордена Бани и смотрѣли на хоругвь лорда Кокрена, которая по приказанію королевы была восстановлена передъ его смертью, такъ какъ было доказано, что осужденіе лорда Кокрена, происшедшее многіе годы назадъ, было дѣйствіе политическихъ интригъ и партій. Кокренъ былъ основателемъ Чилійскаго флота, главнымъ его начальникомъ и прославилъ себя въ бояхъ съ Испаніей, во время борьбы съ нею за независимость республики. И память лорда Кокрена хранится здѣсь свято, какъ національнаго героя, и почитается въ Чилійскомъ флотѣ, какъ память адмирала Лазарева почитается у насъ въ Черномъ морѣ.

Мы всего ближе познакомились съ командиромъ Чилійскаго винтового корвета „Эмеральда“, хорошимъ и образованнымъ офицеромъ, и насъ очень интересовали его рассказы о войнѣ его отечества за независимость, которая окончательно была признана всѣми и въ томъ числѣ и Испаніей только въ 1844 году. Съ этихъ поръ въ Чили господствуетъ порядокъ; тамъ не происходитъ постоянныхъ междоусобій, какъ въ прочіихъ Испано-Американскихъ республикахъ, и выборъ президентовъ происходитъ мирно и законно. Такъ и во время нашего пребыванія въ Вальпарайзо, бывший президентъ, окончивъ свой срокъ, мирно оставилъ свой постъ, и вновь выбранный президентъ Монте спокойно вступилъ въ управленіе республикою.

Это вступленіе праздновалось въ Вальпарайзо съ большимъ торжествомъ, народными праздниками (на которыхъ ни на минуту не нарушался порядокъ), парадными спектаклями, въ началѣ и концѣ которыхъ пѣли національный Чилійскій гимнъ; первая пѣвица потрясала національнымъ флагомъ при восторженныхъ крикахъ всей публики. Чилійцы видимо довольны царствующимъ у нихъ порядкомъ и гордятся имъ и своею странюю, которую горячо любятъ.

Чили тянется на 1200 миль узкою полосюю въ 140 миль ширины между океаномъ и Кордильерами; климатъ въ ней прекрасный, земля очень плодородная, и страна обладаетъ богатѣйшими рудами серебра, олова, ртути, мѣди, свинца и многихъ другихъ минераловъ, которые очень хорошо разрабатываются; хлѣбопашество и всякія другія эксплуатаціи плодородной почвы тоже процвѣтають. Торговля очень оживлена. Въ Вальпарайзо много богатыхъ Европейскихъ негоціантовъ; главные изъ нихъ состоятъ консулами иностранныхъ державъ, гордятся своими мундирами и привилегіями своего званія и очень гостепріимны.

Начальствующія лица въ Вальпарайзо, какъ всѣ Испанцы, очень гостепріимны и любезны и любятъ веселиться; благодаря всему этому, у насъ въ Вальпарайзо образовалось большое знакомство, и мы проводили время очень пріятно. Нашъ капитанъ почти все время нашего пребыванія въ Вальпарайзо провелъ въ Сантъ-Яго, гдѣ, какъ онъ рассказывалъ, былъ принятъ съ большимъ почетомъ и любезностью новымъ президентомъ и всѣмъ высшимъ Чилійскимъ обществомъ. Мы же, т. е. лейтенантъ Фесунъ и я, дежурили на лодкѣ посуточно, а свободный день проводили на берегу, гдѣ наняли себѣ прекрасный номеръ въ гостинницѣ, содержимой одной почтенной Француженкой, которая кормила насъ хорошо, что было намъ очень пріятно послѣ долгой сначала голодовки, а потомъ всетаки однообразной пищи на лодкѣ; ибо кромѣ свиней, куръ и консервовъ никакихъ запасовъ у насъ сдѣлать было невозможно, хотя мой Михайло и разнообразилъ нашъ столъ, на сколько могъ.

Всего пріятнѣе въ Вальпарайзо было существованіе клуба, въ который мы очень любезно были приняты гостями; тамъ всегда были газеты и журналы, очень хорошій столъ и очень много членовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ было интересно и пріятно видѣться и разговаривать. Они намъ рассказывали про Чили и войну за независимость, знакомили съ своею странюю и ея исторіей, и такое изученіе страны, въ которой находишься, одно изъ самыхъ завлекательныхъ и интересныхъ занятій. Болѣе всего я любилъ сидѣть въ клубѣ поздно вечеромъ въ читальнѣ, когда тамъ уже никого не было. Эта комната на самомъ берегу моря и окнами выходитъ на него, и я любилъ въ

одиночествѣ и раздумьѣ слушать шумъ приливной волны океана, отдѣляющаго насъ отъ Европы и отечества, въ которое я и переносился мыслью и сердцемъ ко всему, чтѣ тамъ было дорого, ко всему прошедшему и (я былъ еще молодъ) ко всему неизвѣстному будущему!

Въ Вальпарайзо мы имѣли, наконецъ, радость, послѣ шести мѣсяцевъ полнаго невѣдѣнія, получить письма отъ родныхъ, и я былъ счастливъ узнать, что сестра жива и здорова, хотя она, не желая меня огорчать, тщательно скрыла отъ меня, какъ невыносимо тяжело оказались для нея долгіе мѣсяцы проведенные зимою въ одиночествѣ, въ деревнѣ. Оказалось (это я узналъ уже потомъ), что графиня А. Д. Блудова, у которой она останавливалась, пріѣзжая въ Петербургъ, нашла ее однажды столь исхудалой и больной, что, понявъ, что такое погребеніе себя, въ одиночествѣ, въ деревнѣ, было сестрѣ не по силамъ, уговорила ее остатокъ зимы провести у нея въ домѣ, чтѣ сестра и исполнила и мало по малу стала приходить въ нормальное положеніе. У графини Блудовой она опять стала видѣть прежнихъ друзей и знакомыхъ своего прошедшаго и между прочимъ познакомилась и подружилась съ Анной Ѳеодоровной Тютчевой, фрейлиной императрицы Маріи Александровны и воспитательницей Великой Княжны Маріи Александровны и ея малолѣтняго брата Великаго Князя Сергія Александровича. Сильная привязанность Анны Ѳеодоровны къ моей сестрѣ и возвышенность ея чувствъ были для моей сестры большой отрадой и утѣшеніемъ.

Мы покинули Вальпарайзо 17 Сентября. Десятки шлюпокъ, наполненные народомъ, окружили нашу лодку; дамы и всѣ наши знакомые махали намъ платками, и каютъ-компанія была закидана букетами... Офицеры и команда „Моржа“ были очень любимы и почитаемы въ Вальпарайзо, и мы сами оставляли его не безъ сожалѣнія.

1200 миль, отдѣлявшихъ насъ отъ Каллао, мы прошли въ 12-ть дней. Вѣтры дули намъ попутные (муссоны) отъ S O и S W, днемъ довольно свѣжіе, но къ вечеру всегда дѣлалось тише; погода была, хотя пасмурная, но всякій день появлялось на нѣсколько часовъ солнце, и мы могли ежедневно опредѣлять по обсерваціи свое мѣсто; словомъ, этотъ переходъ отъ Вальпарайзо до Каллао былъ спокойный и пріятный.

Мы прибыли въ Каллао 1-го Октября и застали тамъ пароходъ, вышедшій изъ Вальпарайзо четыре дня послѣ насъ и обогнавшій насъ по пути. Онъ привезъ намъ печальное извѣстіе о гибели Французскаго фрегата-блокшива „Infernal“, которымъ командовалъ нашъ общій пріятель лейтенантъ Enault. Фрегатъ загорѣлся, взлетѣлъ на воздухъ и причинилъ немало поврежденій на пароходѣ, но люди, слава Богу, были всѣ спасены. Намъ было очень жаль л. Enault'a, который вѣроятно будетъ осужденъ, такъ какъ фрегатъ загорѣлся по неосторожности.

Каллао ничтожный маленькій городъ, но рейдъ его чудный, обширный, глубокий и закрытый со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и волненій. Каллао находится въ 12-ти верстахъ отъ Лимы (столицы Перу) и соединенъ съ нимъ желѣзною дорогою, но поѣзда ходили очень неакуратно, и переѣздъ въ 12-ть верстъ совершался въ 40 минутъ. Въ Лимѣ я былъ нѣсколько разъ, но къ сожалѣнію въ это время тамъ были большіе беспорядки, и пребываніе въ Лимѣ было опасно. Наступало время избранія новаго президента, и президентъ генералъ Кастилія, ненавидимый всѣми за свою жестокость, деспотичность и воровское управленіе финансами республики, рѣшился насиловать выборы и заставить выбрать въ президенты себя снова. Для этого, вопреки закону, опредѣляющему удаленіе войска изъ мѣстности, гдѣ происходятъ выборы, Кастилія вызвалъ въ Лиму войско и, помѣстивъ его въ монастыряхъ, приказалъ въ этихъ самыхъ монастыряхъ производить выборы. Въ городѣ поднялась революція. Толпы народа стали собираться въ разныхъ мѣстахъ и ходить по улицамъ, протестуя противъ незаконныхъ распоряженій Кастиліи и приглашая все населеніе къ общему возстанію. Войска стали разсѣвать эти народныя сходбища и стрѣлять въ народъ; эти сраженія на улицахъ продолжались нѣсколько дней, и народное возстаніе было подавлено.

Все это началось на второй день моего пріѣзда въ Лиму, которая мнѣ было очень понравилась. Городъ построенъ на обширной равнинѣ по обѣимъ берегамъ рѣки Римакъ, на берегу которой большая аллея старинныхъ деревьевъ, служащая любимымъ мѣстомъ прогулки Лимскаго общества. Однажды, отправившись туда часовъ въ 6-ть, когда жара начинала уже спадать, я, въ обществѣ Шведско-Норвежскаго консула г-на Лембке, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо изъ Вальпарайзо, уже подходилъ къ мосту, какъ вдругъ мы замѣтили на противоположномъ берегу рѣки большую толпу со знаменами и барабанами, которая съ большимъ крикомъ подходила къ мосту, но тутъ изъ за угла появился отрядъ солдатъ и сталъ стрѣлять въ эту толпу, которая разбѣжалась въ разные стороны. Мы конечно на мостъ не пошли и повернули въ другую сторону. Вдругъ черезъ нѣсколько времени, встрѣчаемъ толпу, бѣгущую по направленію къ намъ навстрѣчу, а за ней потомъ войско, передъ нимъ полицейскій комиссаръ, громко кричавшій всѣмъ приказаніе идти по домамъ. Мы повернули опять по направленію къ гостинницѣ, въ которой я жилъ и которая находилась на главной площади города; но, приближаясь къ гостинницѣ, я замѣтилъ, что мой спутникъ меня покинулъ. Въ это же время новый отрядъ войска, тоже впереди съ комиссаромъ, приказывающимъ всѣмъ идти по домамъ, шелъ мнѣ на встрѣчу, сметая и

разгоня всѣхъ, находившихся на улицѣ. Куда же мнѣ идти, подумала я, когда отовсюду гонять? Къ счастью, я успѣлъ проскользнуть въ одну изъ трехъ входныхъ арокъ на внутренній дворъ (паціось) нашей гостинницы и такимъ образомъ избавился отъ опасности, а черезъ нѣсколько мгновений на улицѣ предъ гостинницей раздались ружейные выстрѣлы. Затѣмъ всѣ магазины и общественныя мѣста были закрыты, и въ городѣ объявлено военное положеніе. И такъ какъ приходилось бы сидѣть цѣлый день дома или подвергнуться смертной опасности, то я въ тотъ же день вечеромъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Каллао и былъ очень радъ очутиться благополучно на нашемъ „Моржѣ“.

Беспорядки въ Лимѣ продолжались все время нашего пребыванія въ Каллао, и я пріѣзжалъ въ Лиму только два раза, и то на нѣсколько часовъ, для закупокъ въ нашу каютъ-компанію, и такъ какъ осадное положеніе продолжалось, то вся уличная жизнь въ городѣ была прекращена совершенно, и я съ Лимой очень мало познакомился, но я нѣсколько разъ заходилъ на внутренній дворъ Францисканскаго монастыря, находящагося недалеко отъ нашей гостинницы.

Высокія стѣны монастыря съ галереями въ два этажа окружали дворъ, весь засаженный высокими кипарисами и другими тѣнистыми деревьями; посреди двора фонтанъ, бассейнъ котораго былъ окруженъ цвѣтами. Тутъ была прохлада, тишина и спокойствіе, которыя доставляли мнѣ какое-то особенное наслажденіе. Впослѣдствіи я (по фотографіи) заказалъ себѣ видъ этого двора; онъ находится всегда у меня въ кабинетѣ. Что же до беспорядковъ въ Лимѣ, то они кончились торжествомъ бывшаго президента Кастиліи, который продолжалъ управлять странюю до новыхъ переворотовъ и революціи, какъ ведется во всѣхъ Испанско-Американскихъ республикахъ за исключеніемъ Чили.

Мы простояли въ Каллао съ 1-го до 12-го Октября и не могли уйти раньше, потому что были задержаны неудачными поисками и переговорами по найму доктора на лодку, такъ какъ послѣ побѣга фельдшера у насъ не было никакой медицинской помощи на случай нужды. Не найдя никого подходящаго, мы пошли далѣе и, слава Богу, во все время нашего плаванія у насъ всѣ были здоровы, легкія же средства изъ нашей аптеки капитанъ и я, по совѣщанію, выдавали сами.

Другое обстоятельство, задержавшее насъ въ Каллао, было спасеніе одного Шведскаго матроса, которое Господь привелъ насъ совершить. Ночью 9-го Октября я стоялъ на вахтѣ, какъ вдругъ услышалъ пронзительный крикъ, въ направленіи купеческаго Американскаго корабля, стоявшаго на якорѣ, въ болѣе отдаленной части рейда, въ

разстояніи отъ насъ 3-хъ или 4-хъ кабельтовъ*). Въ тоже время, что-то стало плескаться въ водѣ около этого корабля. Думая, что это было паденіе человѣка за бортъ, я немедленно scomандовалъ людей на шлюпку, стоявшую у насъ, и черезъ мгновеніе шлюпка полетѣла въ сторону, откуда былъ крикъ и гдѣ виднѣлось плесканье. Черезъ нѣсколько секундъ, при лунномъ свѣтѣ, мы увидѣли двухъ людей, плившихъ къ нашей лодкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ немедленно втащенъ на нашу шлюпку; но другой, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея, пошелъ ко дну и сколько его ни искали, но такъ и не могли найти. Спасеннаго человѣка привезли на лодку и дали ему стаканъ вина. На одной изъ его рукъ оказалась цѣпь. Когда онъ пришелъ немного въ себя, то объявилъ, что онъ Шведъ, что имя его *Ларсенъ* и что онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ съ Американскаго корабля „*Джонъ Парксъ*“, вслѣдствіи жестокаго обращенія съ командой, состоявшей изъ 14-ти человѣкъ, шкипера этого корабля, и что этотъ извергъ, по приходѣ въ *Каллао*, изъ предосторожности, чтобы кто не вздумалъ бѣжать на берегъ, заковалъ въ цѣпи всю команду и при томъ сталъ нарочно подалше отъ берега и другихъ судовъ на якорѣ, чтобы еще болѣе затруднить побѣги. Успѣвъ перепилить кандалы на одной рукѣ, *Ларсенъ* потихоньку спустился съ борта корабля, бросился въ воду, поплылъ, направляясь къ нашей лодкѣ и скоро былъ вытащенъ на нашу шлюпку; товарищъ *Ларсена*, съ кандалами на обѣихъ рукахъ, пошелъ ко дну, не отплывъ и 20-ти сажень отъ борта. На слѣдующее утро шкиперъ корабля „*Джонъ Паркса*“ пріѣхалъ на лодку „*Моржъ*“ и просилъ выдать ему *Ларсена*. Но командира лодки не было дома, и я отказалъ шкиперу въ его просьбѣ. Лицо этого человѣка было отвратительное; оно выражало развратъ, пьянство и жестокость, и нельзя было безъ отвращенія на него смотрѣть..... Скоро пріѣхалъ нашъ командиръ, которому я донесъ о всемъ происшедшемъ. Одобривъ мои распоряженія, онъ увѣдомилъ Шведскаго консула въ *Лимѣ* о случившемся, и на другой день у насъ на лодкѣ собрался цѣлый судъ, состоявшій изъ Американскаго и Шведскаго консуловъ и нашего командира. Прибылъ и шкиперъ корабля „*Джонъ Парксъ*“, но не смотря на заступничество Американскаго консула за шкипера, мы не выдали, конечно, бѣднаго матроса. Показанія его о насиліяхъ и жестокостяхъ шкипера были вполнѣ подтверждены, и шкипера присудили заплатить *Ларсену* его жалованье и оставить его въ покоѣ; самаго же *Ларсена* передали на Шведское купеческое судно „*Принцъ Карлъ*“, стоявшее тутъ же на рейдѣ, на якорѣ, и отправлявшееся на другой день въ

*) 4 кабельтова равняются 100 саженьямъ.

Европу, а шкиперъ „Джонъ Паркса“ въ бѣшенствѣ и смущеніи уѣхалъ съ нашей лодки. Эта исторія продолжалась три дня, и только 12-го Октября утромъ мы оставили Каллао, очень довольные, что могли спасти несчастнаго.

Переходъ нашъ отъ Каллао до Сандвичевыхъ острововъ продолжался *56-ть дней*. Это самый длинный изъ переходовъ, который мнѣ привелось дѣлать. Онъ былъ вполнѣ благополученъ. Мы шли все время пассатными вѣтрами, и даже штилевая полоса около экватора, которую мы прошли подъ парами, была очень небольшая. Погода стояла все время прекрасная, и вѣтеръ дулъ ровно и безъ шкваловъ, такъ что Тихій океанъ совершенно оправдывалъ свое наименованіе, и мы шли спокойно по 200 миль въ сутки. Во время перехода мы два раза опрѣсняли воду, такъ что въ прѣсной водѣ у насъ не было недостатка. Провизіи у насъ было довольно, и по возможности столъ нашъ былъ довольно разнообразенъ, благодаря сдѣланнымъ мною запасамъ и искусству моего Михайлы, съ которымъ мы старались, сколько можно, разнообразить наши меню. Скучать намъ было некогда, стоя на двѣ вахты мы никогда не чувствовали своего одиночества и отдаленія отъ всего міра. Гдѣ бы ни былъ человѣкъ и какъ бы онъ ни грустилъ объ отсутствующихъ, все таки, гдѣ онъ, тамъ ему кажется и центръ міра и что высшая точка свода небеснаго находится надъ его головою!

По вечерамъ Субботъ и канунамъ праздниковъ мы служили все-нощную, а въ Воскресенье утромъ и праздники обѣдницы; тогда еще не было изданія этихъ службъ для судовъ, какъ теперь, но у насъ составилъ хоръ пѣвчихъ, и служба у насъ шла очень хорошо. Я читалъ молитвы и Евангеліе, а въ промежуткахъ пѣли пѣвчіе, и намъ всѣмъ эти службы доставляли большое утѣшеніе. Образъ, передъ которымъ совершалось богослуженіе, находился на палубѣ, въ носовой части лодки, и во время молитвы, мы все время слышали шумъ воды, разсѣваемой носомъ лодки и удары волны о ея бортъ; это намъ постоянно напоминало о безднѣ, отъ которой насъ отдѣляло нѣсколько досокъ, но въ тоже время мы чувствовали себя подъ покровомъ Божьяго милосердія и уповали на него. Вечернія молитвы я совершалъ всегда, стоя на вахтѣ, либо до полночи, когда вахта была съ 6-ти часовъ вечера до полночи, либо позже, когда я былъ на вахтѣ съ 12-ти часовъ ночи до 4-хъ часовъ утра. Я вспоминаю съ умиленіемъ эти минуты. Темно-синее небо съ ярко свѣтящимися звѣздами было надъ нашими головами; ровный вѣтеръ наполнялъ наши паруса и двигалъ равномерно и незамѣтно нашу лодку впередъ; кругомъ все было тихо и на сколько то было даровано мнѣ, я возносился душою къ Господу,

молясь о усопшихъ родителяхъ, дорогаго моему сердцу Николая Васильевича и другихъ усопшихъ близкихъ и, молясь о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, я молился о томъ, чтобы благословеніе ихъ пребывало на сестрѣ моей и на мнѣ и чтобы Господь сохранилъ бы насъ, даль бы увидѣться въ радости и устроилъ бы нашъ жизненный путь, до сихъ поръ еще столь неопредѣленный.

Наконецъ, въ 56-ой день нашего плаванія, мы стали различать передъ собою, въ нѣкоторой высотѣ, надъ мглою, всегда нѣсколько покрывающею горизонтъ, какъ бы неясныя очертанія горъ, сначала похожія болѣе на облака, но постепенно принимающія болѣе опредѣленные очертанія, а за тѣмъ и окраску. Наконецъ ясно завиднѣлись высокія горы, отчасти покрытыя деревьями. Это были Сандвичевы острова. Пройдя наибольшій изъ нихъ, островъ Гаваи, мы стали подходить къ острову Каваи, на которомъ и находится столица Сандвичевыхъ острововъ, городъ Гонолулу, лежащій на берегу глубокой и закрытой со всѣхъ сторонъ бухты, гдѣ и стали на якорь, и радость наша была конечно очень великая.

Сандвичевы острова, въ Тихомъ океанѣ относительно климата тоже, что Мадера въ Атлантическомъ океанѣ. Тамъ вѣчная весна и вѣчное благораствореніе воздуха. Зима отличается отъ лѣта только тѣмъ, что въ продолженіи 6-ти недѣль идутъ дожди, но и то при постоянной, теплой погодѣ и съ частыми промежутками солнечнаго сіянія и ясной погоды. Почва этихъ острововъ чрезвычайно плодородная, и положеніе ихъ на серединѣ пути между Америкой и Азіей чрезвычайно выгодное, тѣмъ болѣе, что они обладаютъ закрытыми рейдами, въ которыхъ можетъ стоять большой флотъ, устроить здѣсь склады угля и получать съ острововъ все нужное для пропитанія экипажей.

Когда мы пришли на Сандвичевы острова (въ 1861 году), никому и въ голову не приходило, чтобы черезъ 30-ть лѣтъ они сдѣлаются владѣніемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и одною изъ ихъ такъ называемыхъ территорій; напротивъ, поговаривали о тенденціяхъ Англіи ихъ захватить, хотя и во время нашего пребыванія въ Гонолулу тамъ преобладало Американскве вліяніе. Большая часть чиновниковъ, судей и комерсантовъ были Сѣверо-Американцы, и самыя торговыя связи острововъ были преимущественно съ Сѣверными Штатами; но тогда еще существовала династія Гавайскихъ королей и хотя король Камеамеама IV не имѣлъ дѣтей, но у него были племянники, могущіе унаслѣдовать престолъ. Черезъ нѣсколько времени вся эта династія вымерла; тогда, благодаря тенденціи и вліянію Американцевъ, живущихъ на Сандвичевыхъ островахъ, и стремленіямъ Американскихъ Штатовъ распространить свои владѣнія и сферу своей власти за пре-

дѣлы Америки и также благодаря зависимости Англїи отъ Сѣверныхъ Штатовъ въ комерческомъ отношенїи и ослабленїю Англїи, Сандвичевы острова признали сначала протекторатъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и вслѣдъ затѣмъ и вошли въ ея составъ, подъ наименованїемъ одной изъ ихъ территорїй. Гонолулу и его окрестности прелестное мѣсто; самый городъ напоминаетъ города лазурнаго берега (Ривьеры) въ Европѣ, потому что онъ состоитъ изъ ряда домовъ, окруженныхъ каждый садомъ; хотя конечно виллы Гонолулу далеко не такъ прелестны, какъ вилы Ниццы или Канна.

Лейтенантъ Фесунъ и я, мы наняли себѣ небольшой домикъ, въ саду, въ которомъ преобладали большія деревья датуры, покрытыя въ это время бѣлыми цвѣтами, похожими на лиліи и издающими сильный ароматъ, напоминающій запахъ апельсиновыхъ цвѣтовъ. Домъ окруженъ верандами, благодаря которымъ у насъ всегда была и тѣнь, и прохлада. Въ этомъ прелестномъ уединенїи проводили мы свободные дни, такъ какъ дежурили на лодкѣ черезъ сутки, и въ продолженїи своего двух-мѣсячнаго пребыванїя въ Гонолулу мы вполне отдохнули.

На другой день нашего прихода въ Гонолулу, командиръ лодки со мною поѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ королевства, старому Англичанину, сэру Вайлей. Мы были поражены простотою его министерскаго помѣщенїя, маленькой, можно сказать, хижины въ двѣ комнаты, гдѣ онъ насъ принялъ чрезвычайно любезно и привѣтливо. Сэръ Вайлей уже болѣе 30-ти лѣтъ управлялъ иностранными дѣлами Гавайскаго королевства и очень хорошо поддерживалъ его достоинство и хорошія отношенїя съ Американскими Штатами, Англїей и Франціей. Онъ составилъ себѣ хорошее состояніе и имѣлъ прекрасное имѣніе подъ самымъ городомъ, гдѣ и жилъ. Мы впоследствии были у него нѣсколько разъ въ гостяхъ въ этомъ имѣнїи, называемомъ Розенъ-Банкъ, и онъ намъ показывалъ свой домъ, садъ, плантаціи сахарнаго тростника и другихъ колониальныхъ растений.

Черезъ нѣсколько дней мы представились королю Камеамеа IV-му. Дворецъ его находится посреди города и совершенно напоминаетъ Русскій одноэтажный, помѣщичій домъ. Дворецъ окруженъ обширнымъ садомъ и убранъ очень просто. Кабинетъ короля, въ который насъ ввели, поразилъ насъ своею скромностью: большой письменный столъ, довольно простая мебель, обтянутая зеленымъ сафьяномъ, и большой шкафъ со стеклами составляли все его убранство. Въ шкафу сохранялись *королевскія реликвіи*, состоявшія изъ мантии, сдѣланной изъ перьевъ птицъ, водящихся на Сандвичевыхъ островахъ. Мантия короля состояла изъ желтыхъ и красныхъ перьевъ и была довольно длинная; мантии членовъ королевской фамиліи и главныхъ сановниковъ были

въ родѣ перелинокъ, т. е. покрывающихъ только плечи и грудь. Мантии членовъ королевской фамиліи были изъ красныхъ и желтыхъ перьевъ, а сановниковъ изъ однихъ желтыхъ, такъ что эти лица въ этомъ одѣяніи должны очень быть похожими на канареекъ.

Король Камеамеама IV-й былъ высокаго роста, повидимому крѣпкаго сложенія, какъ всѣ почти члены его семейства и какъ всѣ лица, принадлежащія туземной аристократіи. У нихъ нѣтъ титуловъ, и они обыкновенно называются chiefs (начальники); очевидно, что эта аристократія происходитъ отъ другой породы, чѣмъ самый Гавайскій народъ, который меньше ростомъ и, дѣйствительно, по Гавайскимъ преданіямъ, эта аристократія произошла отъ завоевателей, поработившихъ нѣкогда жителей группы Гавайскихъ острововъ.

Женщины Гавайской аристократіи тоже очень высокаго роста, и между ними, говорятъ, очень много имѣющихъ нѣкоторую степень гермафродитизма. Но форма черепа аристократіи, черты лица и цвѣтъ кожи, получерный, совершенно схожи съ простымъ народомъ. Въ рѣчи ихъ тоже нѣтъ разницы; да и вообще всѣ языки обитателей острововъ Тихаго океана, не только одного общаго корня, но и почти совершенно одинаковы, такъ что жители одной группы отлично понимаютъ рѣчь жителей всѣхъ остальныхъ. Эта завоевательная аристократія подчинила себѣ всѣхъ жителей, завладѣла всей землею острововъ и держала ихъ въ крѣпостномъ состояніи. Только за нѣсколько лѣтъ до нашего посѣщенія Сандвичевыхъ острововъ, у нихъ послѣдовало освобожденіе народа отъ крѣпостничества, чтѣ совершилось благодаря вліянію Американскихъ миссіонеровъ, обратившихъ всѣхъ жителей этихъ острововъ въ христіанство.

Самое освобожденіе совершилось такимъ образомъ. Актомъ Гавайскаго парламента, утвержденнаго королемъ, всѣ земли Гавайскихъ острововъ были объявлены *фиктивно*, т. е. *на время совершенія акта освобожденія, національною собственностью* и затѣмъ, приблизительно одна треть земли отдана во владѣніе народа, а двѣ трети остались во владѣніи прежнихъ владѣтелей и государства. Народъ собственно получилъ во владѣніе ту часть земли, которую онъ прежде обрабатывалъ для своего пропитанія, но вознагражденія владѣльцамъ за отошедшую отъ нихъ землю не было дано никакого.

При этомъ надо сказать, что нигдѣ не было такъ легко освободить народъ съ землею, какъ на Сандвичевыхъ островахъ, уже потому, что народонаселеніе здѣсь очень немногочисленно. Во время открытія этихъ острововъ капитаномъ Кукомъ на нихъ было около 360 тысячъ жителей, а теперь нѣтъ и половины этого числа, и это уменьшеніе природнаго населенія продолжается и теперь, вслѣдствіе

болѣзней, занесенныхъ сюда Европейцами, отъ которыхъ гибнетъ здѣшнее населеніе преимущественно потому, что жители острововъ Тихаго океана не имѣютъ въ своей природѣ той степени *противодѣйствія* болѣзнямъ, которымъ обладаютъ организмы Европейскихъ народовъ. Не говоря уже о сифилисѣ и оспѣ, здѣсь имѣются болѣзни, какъ напимѣръ, проказа, гриппъ и тому подобныя. При этомъ замѣчательно, что браки стали почти безплодны, и намъ говорили, что изъ 19-ти браковъ только одинъ даетъ дѣтей; а между тѣмъ на видъ порода здѣшнихъ туземцевъ повидимому очень крѣпкаго сложенія; они высокаго роста и съ хорошо развитымъ тѣломъ. Говорятъ, что сифилитическая болѣзнь, завезенная сюда китобоями всѣхъ націй, есть главная причина этого печальнаго явленія; но какъ бы то ни было, быстрое и продолжающееся уменьшеніе населенія налагаетъ какое-то печальное настроеніе на Гавайцевъ; они сознаютъ, что ихъ раса исчезаетъ, и какъ бы махнули рукою на себя, въ сознаніи, что у нихъ нѣтъ будущаго. И у короля, хотя и были дѣти, но они всѣ умерли въ малолѣтствѣ, а затѣмъ умерла и его жена, которая оставила по себѣ очень хорошую память. Самъ король довольно образованный и разсудительный человѣкъ, кроткій и добрый; но онъ, какъ большая часть его соотечественниковъ, имѣетъ несчастіе жестоко пить и пьеть запоемъ. Во время припадка этой ужасной болѣзни онъ дѣлается какъ сумасшедшій и, за два года до нашего прихода, онъ въ такомъ состояніи убилъ своего секретаря. Опомнившись, онъ былъ въ отчаяніи и хотѣлъ отказаться отъ престола; но его насилу уговорили этого не дѣлать, поставляя ему на видъ тотъ вредъ, который его отреченіе принесло бы королевству, такъ какъ между принцами никто не могъ его замѣнить.

Король Камеамеа IV умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ насъ, и ему наслѣдовалъ одинъ изъ его двоюродныхъ племянниковъ, по смерти котораго Сандвичевы острова отдались Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Но когда мы были въ Гонолулу, въ 1861 году, никто не помышлялъ даже о возможности такого измѣненія, тѣмъ болѣе, что въ Соединенныхъ Штатахъ происходила тогда жестокая междоусобная война между Сѣверомъ и Югомъ за освобожденіе Негровъ, и никто еще тогда не могъ предвидѣть ея исхода.

Эта война парализировала на много лѣтъ внѣшнюю дѣятельность и всѣ силы Штатовъ, къ тому же въ то время они еще держались *системы Монроэ*, по которой ихъ дѣятельность ограничивалась Америкой, и Штаты не вступались въ дѣла внѣ Американской политики.

Король Камеамеа былъ воспитанъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, но сохранилъ о нихъ очень несочувственное воспоминаніе, потому что тамъ, не смотря на его высокое положеніе, на него, вслѣд-

ствіе чернаго цвѣта его кожи, смотрѣли какъ на Негра, и онъ долженъ былъ подчиняться всѣмъ унижительнымъ правиламъ, которымъ Негры тамъ подвержены, какъ, на примѣръ, ѣздить въ особенныхъ помѣщеніяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, не ходить въ церкви, въ которыхъ молятся бѣлые, а въ Негритянскія, гдѣ священники тоже черные, не посѣщать трактировъ, отелей и мѣстъ увеселенія бѣлыхъ, т. е. театровъ и т. п. Тѣмъ не менѣе его министры всѣ Американцы, они же составляютъ и большую часть депутатовъ. Верхняя же палата состоитъ преимущественно изъ представителей аристократическихъ родовъ Гавайскихъ, но она не имѣетъ никакого вліянія, и вся власть въ палатѣ депутатовъ и министерствѣ, зависящемъ отъ большинства въ палатѣ. Такимъ образомъ правленіе въ Гавайскихъ островахъ чисто представительное, конституціонное, и король никогда и не помышляетъ нарушать его правильнаго хода.

Можно сказать, что правительство управляетъ государствомъ безъ всякаго участія природнаго населенія, которое чуждо всякой амбиціи и участія въ правительственной дѣятельности и живетъ само по себѣ, своею прежнею, примитивною жизнью. Рядомъ съ теперешнимъ правительствомъ держатся и кое-какіе остатки прежнихъ обычаевъ и государственныхъ установленій. Такъ на прим., старшая сестра короля считается прирожденнымъ первымъ министромъ, Куина-нуи, но она не имѣетъ никакой власти, ни даже участія въ правленіи. Тогдашняя Куина-нуи принцесса Викторія была совершенно необразованная и пьяная женщина.

Гавайцы теперь всѣ христіане, разныхъ исповѣданій, Англиканской и Лютеранскихъ церквей, но Лютеранскія исповѣданія мало понятны этимъ наивнымъ натурамъ, и можно сказать, что Гавайцы христіане по наружности. Они теперь всѣ ходятъ одѣтыми, но когда идетъ дождь, женщины снимаютъ платья, чтобы ихъ не мочить, и эта особенность вѣрное изображеніе ихъ отношенія къ религіи, т. е., что она не проникаетъ въ ихъ нравы и составляетъ только наружную оболочку. Очень добрые и простые по природѣ, Гавайцы, какъ и всѣ жители острововъ Тихаго океана, отличаются отсутствіемъ всякой нравственности, до такой степени, что и родословіе у нихъ считается не по отцу, а по матери, потому что, говорятъ они, никогда нельзя сказать, кто отецъ человѣка, но всегда можно сказать, кто его мать. Даже и престолонаслѣдіе считалось у нихъ по женской линіи.

Худое поведеніе китобоевъ, да и вообще всѣхъ бѣлыхъ христіанъ, живущихъ на Сандвичевыхъ островахъ, можно сказать, еще болѣе ихъ развратило. Мнѣ раза два пришлось быть на народныхъ вечернихъ увеселеніяхъ, такъ называемыхъ здѣсь: Гула-Гула. За городомъ подъ большимъ навѣсомъ и кругомъ него собирается огромная толпа Евро-

пейцевъ и природныхъ жителей, и молодыя женщины съ цвѣтами въ волосахъ начинаютъ плясать и пѣть. Танцы эти чрезвычайно распущены, и Европейцы держатъ себя на нихъ очень вольно. Какой же примѣръ видить это населеніе въ Европейцахъ, представителяхъ христіанской религіи? Это чисто языческія оргіи, въ которыхъ бѣлые христіане ведутъ себя какъ язычники.

За нѣсколько лѣтъ до нашего прихода стали сюда допускать и Католическихъ миссіонеровъ, и они пріобрѣли себѣ уже довольно обширную паству. Кажется, будто Римско-католическая вѣра со своею обрядностью болѣе дѣйствуетъ и болѣе удовлетворяетъ эти примитивныя души, и надо сказать, что Французскіе миссіонеры здѣсь, какъ и вездѣ, болѣе всего достойны этого святаго наименованія. Эти люди, всѣмъ сердцемъ и всею душою преданные своему дѣлу, дѣйствуютъ и словомъ, и примѣромъ, и своею постоянною заботою о духовномъ просвѣщеніи народа. Въ Гонолулу былъ при насъ Французскій епископъ *monseigneur Maigret*, истинно святой человѣкъ, долго подвергавшійся гоненіямъ Американскихъ миссій, пока наконецъ ему позволили здѣсь поселиться. Я часто къ нему приходилъ, и онъ много мнѣ рассказывалъ про нравы жителей, про исторію здѣшняго населенія и положеніе своей церкви. Миссія его была очень бѣдна. Онъ и его сотрудники питались простой пищей Гавайцевъ, тѣстомъ, сдѣланнымъ изъ *таро*, родъ мѣстнаго картофеля; примѣръ ими претерпѣнныхъ гоненій и лишеній, ихъ святой жизни, ихъ самоотверженіе и заботы о бѣдныхъ имѣеть большое вліяніе. Личность *monseigneur Maigret'a* была такъ обаятельна своею чистотою, добродушіемъ, смиреніемъ, заботою о своей паствѣ и неистощимымъ милосердіемъ, что нельзя было его видѣть безъ умиленія, глубокаго сочувствія и почтенія. Это былъ именно миссіонеръ первыхъ вѣковъ христіанства. И нельзя его было сравнивать съ Лютеранскими миссіонерами, между которыми, хотя и были весьма почтенные люди, но у нихъ всегда первая забота о своей семьѣ и о своемъ домѣ. Потому и успѣхъ Католической миссії больше всѣхъ Лютеранскихъ.

Кромѣ Гонолулу, гдѣ резиденція епископа *Maigret'a*, у Католиковъ на сѣверной части острова довольно большое учрежденіе, церковь и школы. Мы туда ѣздили верхомъ, и это была самая очаровательная прогулка. Мы ѣхали сначала долинами вдоль моря, покрытыми плантаціями и чудною растительностью, а потомъ стали подниматься на хребетъ горъ, тянущихся по всему острову и дѣлящему его на двѣ части. Спускъ съ горъ на другую низменную половину называется *пали*; это чрезвычайно узкая тропинка, ползущая по отвѣсному почти обрыву. Она такъ узка, что надо слѣзать съ лошадей, которыя идутъ

сами по себѣ или же, оставаясь верхомъ, пустить лошадь, не управляя ею, и эти лошади такъ привыкли къ мѣстности и ноги ихъ такъ вѣрны, что никогда они не отступаютъ; но признаюсь, это было страшно: тропинка въ поларшина ширины, справа стѣна, а съ лѣва обрывъ. Въ историческомъ отношеніи этотъ *пали* замѣчательнѣ тѣмъ, что здѣсь въ 1812 г. произошло окончательное сраженіе Гавайскаго короля Камеамеама I-го съ мѣстнымъ владѣтелемъ острова Гаваи, въ которомъ этотъ послѣдній былъ побѣжденъ, послѣ чего и состоялось объединеніе всѣхъ острововъ Гавайской группы въ одно королевство. При этомъ съ пали сброшено внизъ и погибло до 700 человекъ Гавайцевъ.

Мы прожили въ Гонолулу около двухъ мѣсяцевъ очень пріятно. Старый министръ Вайлей, *monseigneur Maigret*, одинъ Американскій миссіонеръ м. *Diamon* и королевскій докторъ Цимерманъ, который здѣсь былъ и нашимъ докторомъ, главный судья *m-r Allen* и его жена были нашими знакомыми; бесѣды съ ними и рассказы ихъ о прошедшемъ и настоящемъ Сандвичевыхъ острововъ Тихаго океана были для насъ чрезвычайно интересны и поучительны.

Докторъ Цимерманъ 12-тъ лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ сюда умирающимъ отъ болѣзни легкихъ, но мало по малу здѣсь онъ поправился совершенно и имѣлъ большую практику. Онъ мнѣ говорилъ, что климатъ Сандвичевыхъ острововъ чрезвычайно цѣлбный и что сюда изъ Америки присылаютъ преимущественно страдающихъ грудью и съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ изъ Европы на Мадеру. Равнымъ образомъ въ Америкѣ въ большемъ употребленіи посылка больныхъ въ море, на два или три мѣсяца, и я видѣлъ лицъ, страдавшихъ жестокою астмою и даже, какъ полагали, чахоткою, которые совершенно выздоравливали и даже такихъ, у которыхъ начиналась пневмонія легкихъ, и у которыхъ легкіе совершенно поправились.

Только относительно моего слуги Михайлы докторъ Цимерманъ ошибся. Въ это время у Михайлы стали пухнуть ноги, и онъ чувствовалъ себя очень нехорошо. Осмотрѣвъ его, Цимерманъ сказалъ мнѣ, что врядъ ли можно будетъ его довести до Россіи. Однако Михайло здѣсь сталъ поправляться и не только преблагополучно доѣхалъ до Россіи, но еще жилъ вполне здоровымъ 23 года и оставался у меня во все время моего 20-ти лѣтняго пребыванія при дворѣ (онъ скончался у насъ, въ 1885 г., въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, когда я былъ тамъ директоромъ, и до конца былъ на ногахъ).

Я очень сожалѣлъ, что мнѣ не удалось посѣтить главнаго острова Гавайской группы *Гаваи*, на которомъ началось объединеніе Гавайскаго народа и съ которымъ связаны всѣ его религіозныя традиціи, его мифологія и исторія. На островѣ Гаваи находится высокая гора

Мауна-Лоа съ вулканомъ Кило-уэа, на которомъ будто бы жило Гавайское божество. Этотъ вулканъ дѣйствуетъ до сихъ поръ, кратеръ его имѣеть нѣсколько верстъ въ окружности, и нашъ командиръ, посѣтившій Гаваи, былъ на немъ и рассказывалъ намъ, что дно кратера состоитъ изъ затвердѣлой лавы и имѣеть большія трещины, сквозь которыя видна еще не остывшая лава и изъ трещинъ поднимаются часто сѣрные пары. Изверженія бывають очень сильныя. Островъ Гаваи гораздо больше всѣхъ остальныхъ, горы его тоже гораздо выше, и природа на немъ величественнѣе и еще живописнѣе. Между прочимъ командиръ намъ говорилъ, что видѣлъ довольно широкую рѣку, стекающую съ горъ и падающую въ океанъ, съ большой высоты, водопадомъ.

Европейцевъ, т. е. бѣлыхъ, на Гаваи гораздо меньше, чѣмъ въ Гонолулу, народъ болѣе держится своихъ національныхъ обычаевъ и живетъ своею примитивною жизнью. Но мнѣ не было возможности туда ѣхать, находясь на лодкѣ за командира и обязываясь черезъ день на ней дежурить. Намъ и въ Гонолулу не было скучно, благодаря нашимъ знакомымъ мнѣ было очень интересно изучать бытъ и исторію этого своеобразнаго народа. Вообще я очень любилъ, попавъ въ какую нибудь страну, изучать ее чтеніемъ о ней всего, чтѣ могъ достать, и эти чтенія оживлять, пополнять и исправлять свѣдѣніями отъ мѣстныхъ жителей. Это очень большое наслажденіе.

Около половины Февраля мы покинули Гонолулу и направили путь свой въ Японию. Этотъ переходъ продолжался 42 дня и былъ совершеннымъ повтореніемъ нашего перехода изъ Каллао на Сандвичевы острова, съ тою разницею, что по мѣрѣ того, какъ мы подвигались на Сѣверъ, температура воздуха дѣлалась прохладнѣе. Но погода продолжала стоять постоянно ясная, и пассатный вѣтеръ дулъ также ровно и съ тѣмъ же постоянствомъ безъ всякихъ шкваловъ.

Наконецъ мы увидѣли Японию и были ею восхищены.

Высокія горы самыхъ причудливыхъ, какъ бы измученныхъ формъ поднимались изъ воды, покрытыя величественными деревьями и богатой растительностью, и среди зелени были разбросаны Японскія селенія и отдѣльныя хижины, оригинальной архитектуры, столь знакомой намъ по картинкамъ; а на вершинахъ горъ Буддійскіе храмы и монастыри. Все это окружено моремъ и оттого казалось еще болѣе живописнымъ. Мы направились въ Нагасаки, одинъ изъ трехъ городовъ, въ то время открытыхъ иностранцамъ.

Входъ въ Нагасацкую бухту очарователенъ, и мы скоро отдали якорь въ западной его сторонѣ близъ селенія Иноса, которое уже

считалось какъ бы Русскимъ, потому что тутъ жили наши во время пребыванія здѣсь фрегатовъ „Паллада“ и „Диана“.

Тутъ былъ Буддѣйскій храмъ, отданный временно намъ для своза нашихъ больныхъ и слабыхъ; тутъ же была устроена Русскими и баня, которая такъ и осталась и которою стали пользоваться и мы для нашей команды; а кругомъ было цѣлое селеніе, гдѣ промышленные Японцы завели нѣсколько кабачковъ, трактировъ и всякихъ увеселеній, сдѣлавшихъ Сено-симу излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ матросовъ. Въ заливѣ сновали безпрестанно во всѣ стороны Японскія джонки, наполненныя народомъ, и это движеніе было очень большое, а равно и на берегу было видно много народа въ оригинальныхъ костюмахъ.

Городъ Нагасаки расположенъ на восточной части бухты, но всѣ берега кругомъ покрыты Японскими домиками, утопающими въ темной зелени. Я съ восторгомъ думалъ, что нахожусь наконецъ въ таинственной и своеобразной Японіи.

Въ это время, т. е. въ началѣ 1862 года, Японія еще жила своею прежнею, замкнутою жизнью (такъ какъ всего три города—Нагасаки, Хакодате и Иокогама были открыты для иностранцевъ, и ихъ почти и не было еще), и она находилась подъ управленіемъ сіюгуновъ, которые держали уже 200 лѣтъ законныхъ владыкъ Японіи заключенными съ ихъ дворами въ священномъ городѣ Кіото, вдали отъ всякаго сообщенія съ народомъ, какъ въ почетной тюрьмѣ. О Микадо никто не смѣлъ и говорить; его имя было запрещено, и бдительная полиція, чрезвычайно хорошо организованная система общаго и всесторонняго шпионства опутывала и сдерживала и всѣхъ правительственныхъ лицъ и простыхъ жителей: всѣ жили подъ гнетомъ страха. Почти вся Японія, кромѣ большихъ городовъ и владѣній сіюгуна, находилась подъ властью феодальныхъ князей, которые должны были поочередно, часть года, жить въ столицѣ сіюгуна и тоже не имѣли никакихъ сношеній съ Микадо. Тогда еще никому и въ голову не приходило, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ Японіи совершится такой полный переворотъ и ея правительства, и всего строя ея жизни. Все дѣло началось съ вопроса о допущеніи въ Японію иностранцевъ, возбужденнаго посольствами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Россіи, Англии и Франціи. Но для рѣшенія этого вопроса правительство сіюгуновъ не оказалось довольно авторитетнымъ. Это дѣло казалось всей Японіи такимъ важнымъ и необыкновеннымъ, что для рѣшенія его чувствовалась необходимость высшаго авторитета, т. е. авторитета настоящаго законнаго монарха, Микадо. Случилось такъ, что тогдашній Микадо былъ не простою куклою, а человѣкомъ умнымъ и рѣшительнымъ; онъ воспользовался пробужденіемъ народнаго чувства, обращеніемъ

къ нему, и не смотря на старанія сіюгуна, вышелъ изъ своего отчужденія и заключенія и обратился къ князьямъ Дайміосамъ со своимъ протестомъ и ко всему народу.

Завязалась междуособная война, войска сіюгуна были разбиты, самъ сіюгунъ скоро лишилъ себя жизни, и Микадо сдѣлался опять верховнымъ дѣйствительнымъ правителемъ Японіи. Иностранцамъ теперь въ шести городахъ Японіи было дозволено жить; но въ то же время былъ рѣшенъ и коренной переворотъ во всемъ строѣ Японской жизни и управленіи. Дайміосы были лишены своихъ княжествъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они при установленіи власти сіюгуна присвоили себѣ незаконно въ наслѣдственное владѣніе княжества, въ которыхъ они были только назначенные отъ Микадо личные правители. Въ то же время было учреждено по Западно-европейскимъ образцамъ конституціонное представительное правительство съ двумя палатами и отвѣтственными министрами. Все управленіе этой страны, армія и флотъ, были переустроены на Европейскій ладъ.

Но заведеніе флота, постройка судовъ, вооруженіе арміи по-европейски, заведеніе строя и переустройство всего управленія требовали большихъ затратъ, а Японія страна бѣдная; налоги страшно усилились, и страна съ трудомъ стала выдерживать такое напряженіе. Въ 70-хъ годахъ Японія объявила Китаю войну изъ за Кореи, которая съ давнихъ временъ была вассальною страной и Китая, и Японіи. Японія одержала надъ Китаемъ тѣмъ болѣе легкую побѣду, что Китайцы нигдѣ и не дрались, и войска ихъ всегда убѣгали съ поля сраженія; но Японцы страшно возгордились этой побѣдой и стали считать себя великими воителями. И такъ какъ Россія при заключеніи мира воспротивилась уступкѣ Кореи Японцамъ, то въ Японіи возгорѣлась ненависть къ Россіи и намѣреніе силою добыть Корею. Съ этой цѣлью, со времени окончанія войны съ Китаемъ, Японія стала еще болѣе усиливать свой флотъ и свою армію и осенью настоящаго года (1903) казалось, что объявленія войны можно было ожидать каждый день. Но наша трансъ-Сибирская желѣзная дорога, позволяющая намъ послать на крайній Востокъ сколько угодно войска, большая Русская эскадра въ Тихомъ океанѣ, равняющаяся по своей многочисленности съ Японскимъ флотомъ, и грозныя наши укрѣпленія въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ сдерживаютъ воинственный пылъ Японцевъ, да и самыя ихъ союзники Англичане страшно опасаются этой войны и всячески ихъ отъ нея удерживаютъ, опасаясь послѣдствій для своей Индіи. Богъ знаетъ что будетъ впереди: позволить ли Россія Японіи завладѣть Корею или нѣтъ, рѣшится ли, занявъ въ ней нѣсколько важныхъ пунктовъ, предоставить ей остальную часть, все это публикѣ неизвѣ-

стно. Понятно, что когда мы заняли Манджурію и не хотимъ давать Японцамъ Корею, мы этимъ наносимъ Японіи страшную обиду, тѣмъ болѣе, что со временемъ Японцы должны будутъ задохнуться отъ излишка своего населенія на своихъ островахъ. Но можетъ ли Россія допустить ихъ присутствіе на материкѣ и отдать имъ преобладаніе на берегахъ Тихаго океана, превративъ Японское море въ полную принадлежность Японіи? Все это очень трудно-разрѣшимые вопросы. Но въ то время, когда мы были съ лодкой „Моржъ“ въ Японіи, въ 1862 году, о теперешнемъ положеніи Японіи и враждѣ къ Россіи никто и не помышлялъ. Напротивъ казалось, что изо всѣхъ Европейскихъ націй и Сѣверо-Американцевъ, Японцы были болѣе всего расположены къ намъ, ибо въ Нагасаки и Хакодате обхожденіе Русскихъ и офицеровъ и матросовъ съ туземцами было гораздо добрѣе и сердечнѣе, чѣмъ прочихъ Европейцевъ.

Какъ только мы стали на якорь въ Нагасаки, къ намъ подошла Японская джонка съ чиновниками привѣтствовать насъ съ приходомъ и узнать, откуда мы, почему и на долго ли? вмѣстѣ съ симъ было условлено, что командиръ нашъ и офицеры будутъ приняты на другое утро губернаторомъ города Нагасаки. Намъ было очень любопытно видѣть у себя Японскихъ чиновниковъ въ ихъ халатообразныхъ одеждахъ съ двумя саблями, длинной и короткой, и съ ихъ волосами, собранными на верху головы, короткой косичкой. Они вошли на лодку и кланялись, присѣдая и какъ-то нагибаясь впередъ, прикладывая руки къ животу, причемъ издавали какое-то особенное придыханіе.

На другой день капитанъ, взявъ съ собою меня, штурманскаго офицера, механика, гардемарина и въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ отправился съ визитомъ къ губернатору. Насъ ввели въ совершенно пустую комнату, въ которой стояли по обѣимъ противоположеннымъ сторонамъ два длинные стола и за ними стулья. Губернаторъ и его чиновники усѣлись за однимъ столомъ, мы за противоположеннымъ, а переводчики Японцы сидѣли на полу, на корточкахъ между столами. У насъ былъ переводчикъ Японецъ изъ Иносы, научившійся по-русски, при постоянномъ обращеніи съ экипажами нашихъ судовъ, посѣщавшихъ Нагасаки. Губернаторъ и его помощники были очень любезны, вѣжливы и предупредительны, и разговоръ, начавшійся съ официальныхъ вѣжливостей и комплиментовъ, скоро сдѣлался очень оживленнымъ. По Японскому обыкновенію намъ подали завтракъ, приготовленный и сервированный по-японски, т. е. всѣ явства были поданы въ лаковыхъ чашечкахъ съ крышками. Но къ сожалѣнію, не смотря на всю мою рѣшимость, ни я, ни другіе наши офицеры ничего не могли ѣсть: большая часть Японскихъ кушаній

состоить изъ рыбы, приготовленной различнымъ образомъ и съ различными приправами; но Японцы ѣдятъ рыбу на половину сырую, и нашему вкусу это рѣшительно противно. Единственное, что мы могли ѣсть, были Японскіе пряники, очень напоминающіе наши простые Русскіе пряники съ мятой, да и то имѣютъ очень мало вкуса. Затѣмъ мы пили Японскую водку изъ риса (саки), которую подаютъ теплую, пили чай, подаваемый безъ сахара, и курили съ удовольствіемъ изъ маленькихъ Японскихъ трубочекъ. По Японскому же обычаю остатки нашего завтрака были тщательно присланы намъ въ тотъ же день.

Во время визита и завтрака въ залѣ сидѣло нѣсколько Японцевъ, которые записывали все, что говорили намъ губернаторъ и помощникъ его и что говорилъ нашъ командиръ. Таково правило всякихъ официальныхъ дѣйствій Японскихъ властей и всякаго дѣлопроизводства, и все это на основаніи такого организованнаго, официального надзора и шпіонства, на которомъ держится все правительство сіюгуновъ.

Впослѣдствіи, въ Нагасаки и Хакодате (во время второго моего посѣщенія Японіи съ адмираломъ Поповымъ) я нѣсколько разъ имѣлъ официальные переговоры съ Японскими властями того времени. Они всегда соблюдали всѣ отгѣнки величайшей вѣжливости, держали всегда себя весьма скромно, но умѣя прекрасно соблюдать свое достоинство, и во всѣхъ дѣлахъ были всегда чрезвычайно уклончивы, а въ концѣ концовъ заявляли, что рѣшеніе вопроса выше ихъ компетентности и зависитъ отъ высшаго правительства.

Въ то время еще былъ живъ знаменитый Зибольдъ которому Европа была обязана почти всѣми свѣдѣніями о Японіи, ея исторіи, описаніемъ ея нравовъ, географіи и природы. Зибольдъ былъ долгое время докторомъ и потомъ начальникомъ Голандской факторіи въ Нагасаки, помѣщавшейся на островѣ Де-Цима, окруженномъ высокимъ тыномъ. Въ настоящее время жилъ Зибольдъ на покоѣ, въ своемъ домѣ, въ Нагасаки. У него отъ Японскаго брака была дочь, которую онъ воспиталъ очень хорошо, научилъ ее медицинѣ и выдалъ замужъ за Японскаго доктора, съ которымъ вмѣстѣ они и лечили, и они имѣли въ Нагасаки большую практику, благодаря свѣдѣніямъ дочери Зибольда. Она посѣщала больныхъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ, они лечили вдвоемъ и съ большимъ успѣхомъ. Я поспѣшилъ познакомиться съ Зибольдомъ; онъ былъ очень любезенъ и словоохотливъ, и я съ большимъ удовольствіемъ ходилъ съ нимъ по улицамъ и окрестностямъ Нагасаки, по сосѣднимъ храмамъ и монастырямъ, онъ былъ мнѣ драгоценнымъ и незамѣнимымъ чичероне. Благодаря ему, я, въ наше двухъ-мѣсячное пребываніе въ Нагасаки, могъ очень хорошо познакомиться съ нравами и обычаями Японіи и много узнать объ ея исторіи, цивилизаціи и о

всѣхъ ея особенностяхъ и вспоминаю о докторѣ Зибольдѣ съ почтеніемъ и благодарностью.

Самый городъ Нагасаки очень великъ, и узкія улицы его тянутся между небольшими домиками въ одинъ или два этажа, и почти всякій нижній этажъ занятъ какимъ-нибудь магазиномъ.

Японскіе бронзы и фарфоры особенно меня интересовали и тоже лаковые, деревянныя вещи. Казалось, если бы у меня было много денегъ, я много бы накупилъ интереснаго; но денегъ у меня было немного, и кромѣ того, такъ какъ я долженъ былъ возвращаться въ Петербургъ сухимъ путемъ, то приходилось держать много багажа. Тѣмъ не менѣе я накупилъ довольно вещей, которыя до сихъ поръ сохраняются и напоминаютъ мнѣ мое пребываніе въ Японіи.

Окрестности Нагасаки чрезвычайно красивы, гористы и покрыты роскошной растительностью: цѣлыя рощи камелій въ это время въ цвѣтахъ, чрезвычайно высокія, красивыя, канфарныя деревья и множество другихъ породъ приводили меня въ восхищеніе.

Я посѣтилъ съ Зибольдомъ много Буддійскихъ монастырей и познакомился съ нѣсколькими настоятелями. Всѣ они очень хорошо знали и любили Зибольда и были съ нимъ чрезвычайно откровенны. Эти монастыри всегда находятся на горахъ, и ихъ храмы и всѣ зданія утопаютъ среди рощей. Самое вѣрное, такъ сказать, фотографическое описаніе Японіи и нравовъ ея народа много лѣтъ спустя я нашелъ въ книгѣ *Lotti, Madame Chrysantème*. Вообще наше мнѣніе о Японіи и Японцахъ того времени было самое симпатичное, и намъ очень нравились въ Японцахъ ихъ вѣжливость, веселость, добродушіе и сочувственное, почтительное обращеніе съ иностранцами. Правда, что оно проявлялось преимущественно только въ городахъ, открытыхъ иностранцамъ, потому что населеніе этихъ городовъ получало отъ нихъ большія выгоды и большое усиленіе своей торговли, къ чему Японцы особенно чувствительны. Во владѣніяхъ же феодальныхъ князей, напротивъ, къ иностранцамъ расположеніе было весьма враждебное, чѣмъ и объясняется убійство нѣсколькихъ изъ нашихъ офицеровъ и покушеніе на жизнь Наслѣдника Цесаревича (нынѣшняго Государя), Котораго тогда Господь спасъ по великой Своей милости для блага Россіи.

Меня поражала въ Японцахъ ихъ наблюдательность, сообразительность, способность усваивать всякія научныя свѣдѣнія и ихъ любознательность, особенно ко всему, чтó касалось практическихъ свѣдѣній. Ко всему абстрактному и духовному они казались равнодушны, и эти области имъ были совершенно чужды. Японцы намъ казались какъ бы большими дѣтьми. Всѣ они имѣютъ какое-нибудь ремесло и очень

ловки, прилежны и терпѣливы. Въ то же время они любятъ веселиться; ихъ забавы состоятъ въ прогулкахъ за городъ и посѣщеніи храмовъ, пусканіи воздушныхъ змѣевъ, и вообще въ ихъ нравахъ и забавахъ есть что-то дѣтское. Но между самураями (чиновники военные и гражданскіе) очень развито чувство чести и собственного достоинства, совершенно какъ у Европейскихъ народовъ.

Двѣсти лѣтъ управленіе странюю сіогунами, въ продолженіе которыхъ Японія была замкнута въ самой себѣ и лишена всякихъ сношеній съ другими странами, имѣли на Японцевъ разлагающее вліяніе. Это вліяніе было еще усилено тою системою официальнаго шпионства, которая какъ сѣтью окутывала всѣ сословія изъ опасенія сношеній съ законнымъ государемъ Микадо, жившимъ въ заточеніи, и націи не оставалось больше ничего, какъ предаваться матеріальнымъ интересамъ и удовольствіямъ. Во время нашего пребыванія въ Японіи уже начался періодъ какъ бы пробужденія націи; правительство уже заводило нѣсколько школъ, въ которыхъ обучались мастерствамъ и разнымъ техническимъ наукамъ, иностраннымъ языкамъ, и нѣсколько молодыхъ Японцевъ были посланы учиться въ Америку и Европу. Правительству нужны были техники и переводчики. Но весь строй правительства и общественной жизни оставался прежній, и я очень доволенъ, что намъ удалось видѣть Японію еще дореформенную.

Въ началѣ Мая мы оставили Нагасаки и пошли въ Хакодате на островъ Иессо. Здѣсь уже климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Нагасаки и природа бѣднѣе; самый Хакодате, скучный, и большая деревня скорѣе, чѣмъ городъ; мы оставались тамъ нѣсколько дней, чтобы не придти къ устью Амура, когда оно еще не свободно отъ льдовъ. Потомъ зашли на нѣсколько дней въ бухту Ольги. Это былъ первый уже Русскій пунктъ, но онъ не произвелъ на насъ отраднаго впечатлѣнія: это была Россія съ самой неприглядной стороны. Въ Ольгѣ была колонія изъ ссыльныхъ. Уныніе, лѣнь и бѣдность. Начальникъ порта былъ нашъ флотскій лейтенантъ, мы съ нимъ пошли по колоніи и посмотрѣли, какъ работаютъ жители, которыхъ здѣсь было поселено нѣсколько семействъ. Вотъ посмотрите, сказалъ мнѣ добрый лейтенантъ Филипповъ приведя меня на поле, видите, никого нѣтъ, а какъ только замѣтятъ, что я здѣсь, то и они придутъ, какъ будто работать, а лишь только я уйду, и они пойдутъ домой. Эти несчастные колонисты въ Ольгѣ, люди разбитые жизнью нравственно и физически, пьяные и ни къ чему не способные. Они не нуждаются въ работѣ, чтобы существовать, потому что работа не могла въ этой бѣдной и дикой странѣ обезпечить ихъ жизни, и правительство, поселивъ ихъ здѣсь, построивъ, имъ дома, не могло предоставить ихъ самимъ себѣ, чтобы они не погибли съ голода,

и должно было ихъ содержать, такъ что ихъ работы были имъ подневольныя, по назначенію, для надобностей колоніи, а для себя они уже считали бесполезнымъ и обрабатывать землю. Очевидно, что это были неудачные опыты колонизаціи Русскаго прибрежья Восточнаго океана.

Наконецъ 20-го мая лодка „Моржъ“ подошла къ мѣстечку Дуэ, на островѣ Сахалинѣ, противъ устья Амура, и здѣсь мы застали эскадру адмирала Попова, состоявшую изъ корвета „Калевала“ и клипера „Абрекъ“, а также пароходъ „Америка“, подъ флагомъ командира Николаевскаго порта контръ-адмирала Козакевича.

Суда эти собрались, чтобы постараться стащить съ мели разбившейся тутъ клиперъ „Гайдамакъ“, который, оградивъ себя на зиму отъ льдовъ, на столько починилъ свою подводную часть, чтобы быть доведеннымъ на буксирѣ до Шанхая, гдѣ предполагалось ввести его въ докъ. На другой день клиперъ „Абрекъ“ и нашъ „Моржъ“, мы впряглись, чтобы попробовать стащить „Гайдамакъ“; но буксиры лопались, и судно оставалось неподвижно. Адмиралы рѣшили подождать повышения воды, обыкновенно бывающаго здѣсь при вскрытіи Амура и отъ таянія снѣговъ, чтобы снова попробовать стащить „Гайдамакъ“, и дѣйствительно, черезъ дней 10-ть, вода значительно прибыла, и „Гайдамакъ“ безъ всякой посторонней помощи, самъ сошелъ съ мели и сталъ на якорь въ глубинѣ. А мы пошли послѣ этого неудачнаго опыта въ Николаевскъ на Амурѣ, и адмиралъ Поповъ, перешедъ къ намъ на лодку, поднялъ на ней свой флагъ. Но плаваніе наше до Николаевска было задержано огромными массами льда; даже 21-го Мая, въ день именинъ генераль-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, мы должны были встать на якорь, и скоро огромная масса сплошнаго льда стала насъ дрейфовать и тащить по направленію къ мели, такъ что мы, расклепавъ канатъ, едва едва подъ парами могли высвободиться изъ льдовъ и отойти внизъ по теченію Амура на чистую воду. На другой день ледъ прошелъ, рѣка очистилась, и мы благополучно пришли въ Николаевскъ, т.е. пунктъ назначенія нашей лодки. Плаваніе ея было, по великой милости Божіей, благополучно окончено, и я надѣялся черезъ нѣсколько дней отправиться по Амуру и черезъ Сибирь въ Петербургъ!

Я былъ глубоко благодаренъ Господу за благополучное окончаніе нашего плаванія и предвкушалъ уже счастье возвращенія домой, а тоже и весь интересъ плаванія по Амуру и путешествіе черезъ Сибирь и Востокъ Европейской Россіи, который мнѣ былъ неизвѣстенъ.

(Окончаніе будетъ).

